

ПРОТОКОЛ
300 МС.
ЗЕРНА ХАОСА

ДЖЕК ЭДВАРДС

Протокол 300 мс. Зерна хаоса

Джек Эдвардс

Настоящее произведение является художественным. Все персонажи, события, организации и описанные обстоятельства либо полностью вымышлены, либо представлены в авторской художественной интерпретации. Любые совпадения с реальными людьми — живыми или умершими, а также с существующими или существовавшими организациями, компаниями и событиями являются случайными и не имеют намеренного характера.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Семнадцать кадров тишины

Глава 2. Механизм петли

Глава 3. Стена из стекла

Глава 4. По следам модераторов

Глава 5. Исповедь кукловода

Глава 6. Сеть и ее покровители

Глава 7. Цифровой щит

Глава 8. Первый шаг

Пролог

Дождь за окном превращал неоновые вывески спального района в расплывчатые бензиновые пятна. В полумраке съемной квартиры единственным источником света был тридцатидюймовый монитор. Андрей не спал вторые сутки. Его глаза, воспаленные от напряжения, неотрывно следили за бегунком на монтажной шкале профессионального видеоредактора.

На экране раз за разом прокручивался один и тот же ролик. Короткое, вертикальное видео, снятое на камеру дешевого смартфона. Подростковый тренд, миллионы просмотров, легкомысленная музыка на фоне. Девочка-подросток улыбается, делает несколько ритмичных движений под синти-поп, а затем экран на мгновение дергается. Едва заметная помеха. Спустя секунду лицо девочки меняется, улыбка исчезает, взгляд становится пустым, словно у куклы. Через два часа после публикации этого видео ее нашли в ванной комнате. Официальная версия — несчастный случай во время опасного интернет-челленджа.

Андрей нажал на паузу и начал покадрово разбирать этот короткий стык — переход от веселья к трансу.

Этот файл шел с частотой 60 кадров в секунду. Один кадр длится около 16,6 миллисекунды. Андрей увеличил масштаб таймлайна до предела. Вот она танцует. Вот следующий кадр. И вдруг — провал.

Семнадцать кадров подряд. Чуть меньше трехсот миллисекунд.

Обычный пользователь, пролистывая ленту, не заметил бы ничего, кроме легкого мерцания, списав его на плохой интернет или баг сжатия. Но Андрей видел структуру. Это не было ошибкой рендеринга. Внутри этих семнадцати кадров была зашита высококонтрастная геометрическая сетка, смонтированная так, чтобы создавать эффект пульсации около 15 герц, и едва заметный субтитр, выполненный в цвете, который человеческий глаз воспринимает на пределе видимости.

Мозг не успевает осознать этот текст. Префронтальная кора, отвечающая за критическое мышление и логику, просто игнорирует раздражитель, который длится

меньше трети секунды. Но подкорковые структуры — лимбическая система, миндалевидное тело — фиксируют сигнал напрямую. Это была не просто картинка. Это была прямая команда, минуя все фильтры сознания.

Андрей откинулся на спинку кресла. Спина затекла, в висках стучала тяжелая, монотонная боль. Он вспомнил свою прошлую работу в международном технологическом гиганте, где он занимался анализом аномального трафика. Тогда его отчеты о странных паттернах в рекомендательных алгоритмах просто удаляли, а самого его вежливо попросили уйти по соглашению сторон, выплатив солидное выходное пособие в обмен на подписание жесткого соглашения о неразглашении.

Он думал, что это обычная корпоративная жадность. Алгоритмы удерживают внимание пользователей, приносят миллиарды на рекламе, и никто не хочет ломать работающий механизм. Но теперь, глядя на эти семнадцать кадров, Андрей понимал: удержание внимания было лишь побочным эффектом. Настоящая цель была куда страшнее.

Он открыл консоль и запустил написанный им скрипт для анализа метаданных видеофайла. Строки кода побежали по экрану, вычленяя структуру сжатия. Скрипт споткнулся на скрытом контейнере данных. Внутри заголовка файла был прописан уникальный идентификатор, который не использовался ни одной стандартной библиотекой кодирования.

Андрей скопировал этот идентификатор и вставил его в поисковую строку своей базы данных, которую он собирал по крупицам из закрытых форумов и утекших архивов. Экран моргнул, выдавая единственный результат.

Документ датировался концом девяностых годов. Отчет о закрытых исследованиях в области психотехнологий и сублиминального воздействия на группы людей. В заголовке значилось кодовое название проекта, которое заставило Андрея похолодеть.

«Протокол 300 мс».

В этот момент на кухне тихо зажужжал холодильник, нарушая тишину. Андрей посмотрел на телефон. Три часа ночи. На панели уведомлений всплыло сообщение от незнакомого номера. Никакого текста, только ссылка на закрытый медицинский форум

и короткая приписка: «Они называют это цифровой эпидемией. Но у любого вируса есть создатель. Спроси доктора Валмиерову».

Андрей закрыл лицо руками. Он понимал, что переступает черту, за которой его прошлая, спокойная жизнь окончательно превратится в пепел. Но взгляд девочки с экрана — пустой, лишенный воли взгляд перед тем, как она сделала свой последний шаг, — не давал ему закрыть ноутбук. Он скопировал ссылку, сохранил проанализированный видеофайл на зашифрованный внешний диск и выключил монитор. Комната погрузилась в серую, холодную предрассветную мглу.

Глава 1. Семнадцать кадров тишины

Кабель HDMI, тянувшийся от портативного ресивера к плате захвата, слегка вибрировал от работающего на полную мощность кулера системного блока. Андрей сидел неподвижно, подперев подбородок сцепленными пальцами. На его рабочем столе, среди разбросанных упаковок от растворимого кофе и бумажных листов с набросками блок-схем, лежал разобранный смартфон. Его экран был тусклым, но материнская плата, подключенная напрямую к анализатору логических уровней, продолжала отдавать сырые данные.

Попытка разобрать оригинальный файл из кэша мобильного приложения с самого начала уперлась в глухую стену. Крупные медиаплатформы уже несколько лет использовали собственные системы доставки, шифрования, адаптивного стриминга и серверной обработки видео. Это не просто затрудняло независимый анализ структуры видеофайлов — это делало его практически невозможным для стандартных программных декодеров. Потокковое видео не сохранялось в привычном для пользователя формате MP4 или MKV; оно дробилось на сегменты, часть которых могла быть зашифрована, а ключи и параметры воспроизведения менялись прямо во время просмотра. Для внешнего наблюдателя это был монолитный, защищенный поток, заглянуть внутрь которого не позволяла ни одна обычная программа.

Андрею пришлось пойти обходным путем. Он использовал аппаратный перехватчик видеосигнала, который снимал поток кадров непосредственно с графического чипа устройства до того, как тот успевал вывести изображение на дисплей. Только так, в обход клиентских ограничений, ему удалось получить чистую последовательность кадров с частотой 60 кадров в секунду.

Он вывел на экран шестнадцатый кадр из той самой секундной паузы, которая привлекла его внимание.

На первый взгляд — просто серый шум, легкая помеха сжатия, которую человеческий глаз воспринимает как мимолетное мерцание экрана. Но при максимальном увеличении и отключении цветовой коррекции на экране проступила четкая, математически выверенная структура. Это была высококонтрастная геометрическая сетка, состоящая из чередующихся полос глубокого черного и инвертированного зеленого цветов. В самом центре сетки располагался символ, напоминающий стилизованную спираль, а по краям кадра шли тонкие линии субтитров, выполненные в цвете, который находился на самой границе человеческого восприятия.

Андрей открыл лог-файл анализатора. Скрипт, фиксирующий временные метки, показал, что эта последовательность кадров длилась ровно 283 миллисекунды. Чуть меньше трети секунды.

Человеческий мозг устроен так, что он физически не способен осознать визуальный стимул, который длится менее трехсот миллисекунд, если этот стимул не подкреплён предварительным ожиданием. Префронтальная кора головного мозга, отвечающая за логику, критический анализ и сознательное восприятие, просто отбрасывает эту информацию как фоновый шум, не успевая активировать нейронные связи, необходимые для осознания. Человек уверен, что ничего не видел. Однако подкорковые структуры, в первую очередь миндалевидное тело и лимбическая система, фиксируют этот сигнал напрямую, минуя любые фильтры контроля.

Андрей поднялся из-за стола, подошел к окну и прижал лоб к холодному стеклу. На улице, под монотонным осенним дождем, расплывались огни ночного города. Внизу, по мокрому асфальту, изредка проезжали машины, оставляя за собой длинные красные шлейфы габаритных огней. Город казался сонным, погруженным в привычную рутину, и

никто из этих людей даже не догадывался, что прямо сейчас через экраны их телефонов в их подсознание проникает нечто, способное полностью переписать их поведение.

Он вспомнил сообщение, пришедшее на его телефон несколько часов назад. Ссылка вела на закрытый форум для специалистов в области детской психиатрии и нейробиологии. В одной из тем обсуждался аномальный всплеск случаев самоповреждений среди подростков в нескольких районах города. Врачи недоумевали: дети из благополучных семей, без видимых признаков депрессии или психологических травм, внезапно наносили себе глубокие порезы, причем все они описывали свое состояние перед этим как «странную пустоту в голове» и «навязчивый шепот, который невозможно заглушить».

В теме несколько раз упоминалось имя доктора Арины Валмиеровой, руководителя лаборатории нейropsychологии развития. Именно она первой попыталась связать эти случаи с использованием мобильных приложений, но ее доклады на медицинских конференциях были встречены вежливым молчанием. Коллеги списывали все на классическую подростковую нестабильность, гормональные бури и эффект подражания, усугубленный чтением депрессивных пабликов.

Андрей вернулся к столу, аккуратно упаковал портативный жесткий диск с сырыми файлами захвата в водонепроницаемый чехол, надел куртку и вышел в подъезд. Ему нужно было увидеть доктора Валмиерову лично. Телефонный звонок или письмо по электронной почте могли быть перехвачены — после своего увольнения из технологического гиганта Андрей слишком хорошо знал, как работают системы автоматического мониторинга ключевых слов.

Здание Научно-исследовательского института нейropsychологии встретило Андрея тусклым светом люминесцентных ламп и запахом старого паркета, смешанным с легким ароматом антисептиков. Это было массивное строение сталинской эпохи с высокими потолками и тяжелыми дубовыми дверями, которые давно требовали ремонта. Здесь не было глянцевого блеска современных частных клиник; все дышало строгой, академической атмосферой уходящего века.

Андрей нашел нужный кабинет на третьем этаже. Табличка на двери гласила: «Лаборатория нейropsychологии развития. Заведующая лабораторией, д.м.н. Валмиерова А.В.».

Он постучал и, не дожидаясь ответа, приоткрыл дверь.

Кабинет был завален стопками распечатанных графиков, медицинских карт и научных журналов. За столом, освещенным единственной настольной лампой, сидела женщина лет сорока пяти в строгом сером костюме. Ее темные волосы были собраны в небрежный пучок, а под глазами залегли глубокие тени от хронического недосыпа. Она изучала серию снимков МРТ и распечатку функционального исследования, держа в руке карандаш.

— Доктор Валмиерова? — тихо спросил Андрей, проходя в кабинет.

Женщина подняла голову. Ее взгляд был настороженным и усталым.

— Да, это я. Но приемные часы уже закончились, и я не веду частную практику. Если вы по поводу консультации, обратитесь в регистратуру на первом этаже.

— Я не пациент, — Андрей закрыл за собой дверь и подошел к столу. — Меня зовут Андрей. Я бывший специалист по анализу данных. Я пришел к вам, потому что прочитал ваши сообщения на закрытом медицинском форуме. О всплеске самоповреждений у подростков.

Арина Валмиерова на мгновение замерла, затем медленно положила карандаш на стол.

— Этот форум предназначен исключительно для верифицированных специалистов. Как вы туда попали?

— В наше время верификация — это лишь вопрос правильного обхода протоколов аутентификации, — Андрей вытащил из кармана жесткий диск и положил его перед ней. — Но это не важно. Важно то, что вы ищете причину этой эпидемии не там. Вы думаете, что это психологическая реакция на контент. Но это физиологическая реакция на структуру контента.

Арина нахмурилась, переводя взгляд с диска на Андрея.

— Молодой человек, если вы очередной конспиролог, который хочет рассказать мне о чипах в вакцинах или излучении вышек сотовой связи, то у меня нет на это времени. У меня на столе лежат истории болезни двенадцати подростков, трое из которых сейчас находятся в реанимации. И мне нужно понять, почему нормальные, здоровые дети вдруг начинают резать себя канцелярскими ножами, глядя в экраны своих телефонов.

— Именно поэтому я здесь, — Андрей придвинул стул и сел напротив нее. — Они делают это не потому, что прочитали грустный пост или увидели депрессивную картинку. Они делают это потому, что их мозг получает прямую команду. Напрямую в лимбическую систему. Минуя префронтальную кору.

Арина откинулась на спинку кресла. Ее профессиональное любопытство явно боролось с естественным скептицизмом ученого.

— И как, по-вашему, эта команда передается? Через воздух?

— Через видеопоток. Конкретно — через скрытые вставки длительностью от двухсот до трехсот миллисекунд. Человеческий мозг фиксирует визуальные сигналы такой длительности на подсознательном уровне, но критический анализ префронтальной коры при этом полностью блокируется. Мозг воспринимает это как собственную, внезапно возникшую мысль или импульс.

Арина медленно выпрямилась. Ее взгляд стал предельно серьезным.

— Откуда у вас эти данные?

— Я снял сырой поток кадров с графического процессора смартфона во время воспроизведения одного из вирусных челленджей. Платформы используют закрытые проприетарные кодеки, чтобы никто не мог разобрать структуру файлов программным путем. Но железо не обманешь. Я перехватил сигнал до того, как он попал на экран. Там защиты высококонтрастные геометрические сетки, пульсирующие с определенной частотой, и инвертированные цветовые фильтры.

Арина молча открыла ящик стола, достала ноутбук и подключила к нему жесткий диск Андрея.

— Покажите, — коротко бросила она.

Андрей быстро открыл папку с раскадровкой и запустил специализированный плеер, позволяющий просматривать видео покaдpовo. Он нашел нужный сегмент и нажал на паузу.

На экране ноутбука появилось изображение той самой геометрической сетки. Арина приблизила лицо к монитору, внимательно изучая структуру пикселей. Ее пальцы быстро застучали по клавиатуре, открывая базу данных медицинских исследований.

— Невероятно... — прошептала она через несколько минут. — Это же классическая схема стимуляции зрительной коры для вызова контролируемого эпилептиформного разряда. Но без выраженных судорог. Они используют частоту пульсации в районе пятнадцати герц.

— Что это значит? — спросил Андрей.

— Это значит, что такая частота в сочетании с инвертированными цветами вызывает резкое торможение активности в лобных долях, — Арина повернулась к нему, ее лицо было бледным. — Лобные доли, в частности префронтальная кора, у подростков и так находятся в стадии формирования. Она полностью созревает только к двадцати пяти годам. Именно префронтальная кора отвечает за торможение импульсивных реакций, за контроль над эмоциями и за критическую оценку опасности. Если временно заблокировать ее активность, подросток превращается в существо, управляемое исключительно лимбической системой — эмоциями, страхом и базовыми инстинктами.

Она поднялась, подошла к шкафу с медицинскими картами и достала одну из папок.

— Вот, посмотрите. Максим К., четырнадцать лет. Поступил к нам две недели назад. Из благополучной семьи, отличник, занимается плаванием. Десятого октября, вернувшись из школы, он заперся в своей комнате. Родители нашли его через два часа на полу. Он нанес себе более двадцати глубоких порезов на предплечьях. Когда его привезли сюда, он не мог объяснить, зачем это сделал. Он постоянно повторял одну и ту же фразу: «Мне просто нужно было выпустить темноту, она слишком сильно давила изнутри».

Арина открыла страницу с результатами электроэнцефалограммы Максима.

— Мы зафиксировали у него аномальную активность в височных долях и резкое снижение амплитуды альфа-ритма в лобных отделах. Такое состояние характерно для глубокого транса или воздействия сильных психотропных препаратов. Но токсикологический анализ был абсолютно чист. Никаких следов наркотиков или алкоголя. Мы списали это на острый психоз неясной этиологии. Но теперь...

Она посмотрела на экран ноутбука, где продолжала мерцать геометрическая сетка.

— Теперь я вижу, что этот психоз был вызван искусственно.

— Первые зафиксированные случаи массового деструктивного поведения подростков под влиянием интернет-челленджей списывались на подростковую нестабильность, а не на направленное воздействие, — тихо произнес Андрей. — Все эти «группы смерти», опасные игры с удушением, прыжки с высоты — общество привыкло винить во всем самих детей, их родителей или плохую компанию. Но никто не задумывался о том, что сама среда, в которой они находятся, спроектирована так, чтобы ломать их психику.

Арина подошла к окну, обхватив себя руками за плечи.

— Исследования в области психотехнологий и сублиминального воздействия велись еще в двадцатом веке. Я читала закрытые отчеты конца восьмидесятых годов. Тогда военные ведомства пытались использовать эти методы для психологических операций, для деморализации противника. Но у них была одна большая проблема — каналы доставки информации. Телевидение и радио слишком инертны, они не дают возможности индивидуального подхода. Нельзя было настроить сигнал под конкретного человека.

Она повернулась к Андрею, и в ее глазах отразился холодный свет монитора.

— Но теперь, с развитием рекомендательных алгоритмов социальных сетей, они получили идеальный инструмент. Алгоритм знает о подростке все: его страхи, его увлечения, время, когда он наиболее одинок и уязвим. Система сама выбирает момент, когда нужно подсунуть ему видео со скрытой вставкой. Это индивидуальное, точечное воздействие, бьющее точно в цель.

— И это воздействие невозможно отследить обычными методами, — добавил Андрей. — Если контролирующие органы попытаются проверить видео, они увидят обычный, безобидный ролик с танцующей девочкой или милым котенком. Потому что скрытые кадры активируются только при определенных условиях воспроизведения, зашитых в проприетарный кодек приложения. Для внешнего наблюдателя все чисто.

Арина молча подошла к столу и взяла снимок МРТ, который изучала до прихода Андрея.

— Это снимок мозга девочки, которая погибла на прошлой неделе. Ее звали Лена, ей было всего тринадцать. Мы не успели ее спасти — слишком большая потеря крови. Но ее родители согласились на посмертное исследование. Посмотрите на эту область.

Она указала карандашом на гипоталамус и прилежащее ядро — так называемый центр удовольствия.

— Здесь наблюдается выраженная нейродегенерация, схожая с той, которую мы видим у пациентов с тяжелой опиатной зависимостью. Но эта девочка никогда не принимала наркотики.

— Как это возможно? — Андрей нахмурился.

— Боль, — тихо ответила Арина. — Физическая боль вызывает мощнейший выброс эндогенных опиатов — эндорфинов. Мозг пытается защитить организм от шока и заливает систему собственным наркотиком. У подростков с заблокированной префронтальной корой этот механизм превращается в замкнутый круг. Они наносят себе повреждения, получают кратковременную эйфорию, которая заглушает ту самую «пустоту и давление изнутри», а затем, когда действие эндорфинов заканчивается, им требуется новая, еще большая доза боли. Это чистая биохимия зависимости, созданная искусственным путем.

Андрей почувствовал, как внутри него нарастает ярость. Он вспомнил свои годы работы в технологической корпорации, бесконечные совещания, на которых обсуждались метрики «вовлеченности пользователей» и «времени удержания внимания». Они радовались, когда графики ползли вверх, когда миллионы детей проводили в приложении на несколько минут больше. Они называли это успехом.

Но за этим успехом стояли искалеченные жизни и детские тела на холодных столах патологоанатомов.

— Мы должны показать это кому-то, кто имеет реальную власть, — сказал Андрей, сжимая кулаки. — Нужно инициировать независимую экспертизу этих кодеков. Заставить платформы открыть исходный код.

Арина горько усмехнулась.

— Вы действительно верите, что это возможно? Медиагиганты тратят миллиарды долларов на лоббирование своих интересов. У них лучшие юристы в мире. Любая попытка обвинить их в преднамеренном воздействии на психику детей будет уничтожена еще на стадии подачи иска. Они заявят, что их алгоритмы — это коммерческая тайна, а любые аномалии в коде — это просто технические ошибки сжатия или действия третьих лиц, хакеров, которые взломали их систему.

Она подошла к сейфу, стоявшему в углу кабинета, открыла его тяжелую дверцу и достала толстую папку в синей обложке.

— Я пыталась отправить отчет о наших исследованиях в Министерство здравоохранения и в прокуратуру. Знаете, какой ответ я получила? «Предоставленные материалы не содержат достаточных доказательств прямой причинно-следственной связи между использованием программного обеспечения и деструктивным поведением несовершеннолетних». Юридически невозможно доказать состав преступления, потому что нет субъекта. Кто виноват? Алгоритм? Сервер, расположенный в другой юрисдикции?

Андрей взял папку из ее рук. На обложке было написано: «Анализ деструктивных паттернов поведения подростковой группы риска в условиях цифровой среды».

— Значит, нам нужно найти тех, кто создает эти вставки, — твердо сказал он. — Алгоритм не пишет сам себя. Кто-то разработал эти геометрические сетки. Кто-то рассчитал частоту пульсации в пятнадцать герц. Кто-то внедрил эти кадры в вирусные видео. У любого кода есть автор.

Арина посмотрела на него с глубоким сомнением, но в ее взгляде впервые за вечер появилась слабая искра надежды.

— Это опасно, Андрей. Если то, что вы говорите, правда, то мы имеем дело не просто с жадными корпорациями. Это спланированная, высокотехнологичная система дестабилизации общества. И те, кто за ней стоит, не остановятся ни перед чем, чтобы сохранить свою тайну.

— У меня больше нет выбора, — Андрей убрал жесткий диск в карман куртки. — Я видел глаза той девочки на экране перед тем, как она сделала свой последний шаг. Этот взгляд... он не выходит у меня из головы. Если мы сейчас ничего не сделаем, завтра таких детей будут тысячи.

Он направился к выходу, но у самой двери остановился и повернулся к Арине.

— Вы поможете мне? Мне нужен ваш опыт, чтобы понимать, как именно эти сигналы влияют на мозг. Я могу разобрать код, но я не знаю нейробиологии.

Арина медленно подошла к своему столу, выключила настольную лампу и взяла свою сумку. Кабинет погрузился в полумрак, лишь серый свет из окна слабо освещал контуры мебели.

— Я не могу гарантировать, что мы чего-то добьемся, — тихо сказала она. — Но я не могу больше просто выписывать свидетельства о смерти и смотреть, как родители сходят с ума от горя. Давайте начнем с анализа тех файлов, которые вы принесли. Мне нужно детально изучить структуру этих геометрических сеток.

Они вышли из кабинета, и тяжелая дубовая дверь со щелчком закрылась, оставив позади тишину пустой лаборатории. На улице дождь продолжал монотонно барабанить по стеклам, смывая следы уходящего дня и погружая город в холодную, непроглядную ночь.

Глава 2. Механизм петли

Свет в лаборатории нейропсихологии развития был холодным. Длинные люминесцентные лампы под потолком тихо гудели, создавая монотонный звуковой

фон, который странным образом помогал сосредоточиться. На большом матовом экране, установленном в центре комнаты, медленно вращалась трехмерная модель человеческого мозга. Отдельные его участки — миндалевидное тело, гипоталамус и прилежащее ядро — были подсвечены тревожным оранжевым цветом.

Арина Валмиерова подошла к экрану, держа в руках чашку с давно остывшим чаем. Ее пальцы слегка дрожали от усталости, но взгляд оставался предельно сфокусированным. Андрей сидел на низком кожаном диване, окруженный распечатками графиков и системных логов.

— Мы привыкли думать, что зависимость — это всегда внешнее вещество, — тихо начала Арина, не оборачиваясь. — Героин, никотин, алкоголь. Молекулы, которые проникают через гематоэнцефалический барьер и обманывают наши рецепторы. Но мозг — это автономная химическая фабрика. Он способен синтезировать самые мощные наркотики самостоятельно. Нужно лишь знать, на какие кнопки нажать.

Она повернулась к Андрею и вывела на экран схему нейронных связей.

— Физическая боль от самоповреждений вызывает компенсаторный выброс эндорфинов. Это базовая эволюционная защита. Когда кожа рассекается, болевые рецепторы — ноцицепторы — отправляют сигнал тревоги в спинной мозг, а оттуда в таламус и кору. Организм воспринимает это как смертельную угрозу. Чтобы спасти существо от болевого шока и паники, гипофиз и гипоталамус мгновенно выбрасывают в кровь и ликвор бета-эндорфин. Это наш внутренний морфин. Он связывается с мю-опиоидными рецепторами, блокируя передачу болевых импульсов и вызывая резкое, почти мгновенное чувство облегчения, покоя и даже легкой эйфории.

Арина сделала глоток из чашки и поморщилась.

— У взрослого человека с развитой психикой этот механизм сдерживается префронтальной корой. Мы понимаем последствия. Но подростковый мозг устроен иначе. Префронтальная кора, отвечающая за волевой контроль, планирование и оценку рисков, находится в процессе активной перестройки. Процесс ее миелинизации — покрытия нервных волокон изолирующей оболочкой для быстрой передачи сигналов — завершается только к двадцати пяти годам. В то же время лимбическая система, управляющая эмоциями и реакциями на стресс, у подростков гиперактивна. Они

физиологически не способны эффективно противостоять направленному эмоциональному давлению и манипуляциям. Когда внешняя среда создает невыносимое психологическое напряжение, а алгоритм подсказывает «выход», подросток делает первый порез. И попадает в идеальную биохимическую петлю зависимости.

Андрей поднялся с дивана и подошел к столу, на котором лежал его ноутбук.

— И алгоритм знает, как эту петлю затянуть, — произнес он, открывая сохраненную сессию анализа трафика. — Я изучил историю просмотров нескольких пострадавших ребят. Они не искали деструктивный контент целенаправленно. Система сама вела их по цепочке. Это то, что разработчики называют «кроличьей норой».

Он развернул на экране схему переходов, похожую на ветвящееся дерево.

— Вот конкретный пример. Документ из архива клиники, случай Кирилла Семенова, пятнадцати лет. Дата начала фиксации активности — 14 ноября 2023 года. Кирилл увлекался легкой атлетикой, искал видео о правильном беге и спортивном питании. Первые три дня алгоритм предлагал ему стандартные ролики: тренировки, обзоры кроссовок, советы по диете. Но затем система зафиксировала, что на роликах с жесткими диетами его внимание задерживалось на четыре секунды дольше обычного.

Андрей указал пальцем на точку разветвления на схеме.

— Алгоритм рекомендаций выстраивает индивидуальный путь пользователя, постепенно заменяя нейтральный контент на деструктивный через систему скрытых тегов. На четвертый день в его ленте появляются видео с тегами «экстремальное похудение» и «интермитентное голодание». Еще через неделю — ролики о «преодолении себя через боль», где молодые люди рассказывают, как они терпят изнуряющие тренировки. А под ними зашиты скрытые метатеги, которые не видны обычному пользователю, но считываются поисковым роботом платформы: #SkinAndBones, #MySecretFamily.

— «Моя тайная семья», — тихо повторила Арина. — Это один из самых опасных закрытых хэштегов. Там пропагандируется анорексия как религия, а самоповреждение — как единственный способ доказать свою преданность «семье».

— Именно, — кивнул Андрей. — Алгоритм не делает резких движений. Он меняет контент постепенно, на доли процента в день. Нейтральные видео вытесняются. К концу третьей недели Кирилл получал 80% деструктивного контента. Его префронтальная кора была перегружена постоянным чувством вины за «недостаточную идеальность», которое транслировали эти ролики. А когда уровень стресса достиг пика, система подсунула ему видео со скрытым триггером. Он сделал первый порез, получил дозу эндорфинов, и круг замкнулся. Он стал биохимическим заложником платформы.

В коридоре слышались тяжелые, неровные шаги. Дверь лаборатории приоткрылась, и на пороге появился мужчина в помятом сером гражданском костюме, поверх которого был накинут мокрый от дождя плащ. Это был майор Илья Костов. Его лицо казалось серым от усталости, под глазами залегли темные тени, а в руке он сжимал недокуренную сигарету, которую тут же торопливо спрятал в карман, заметив табличку о запрете курения.

— Извините, что без стука, — хрипло произнес Костов, проходя в комнату. — Дверь внизу была открыта. Дежурный сказал, что вы еще здесь.

Арина быстро подошла к нему.

— Илья, как Денис? Есть изменения?

Костов покачал головой. Он тяжело опустился на свободный стул у стены и закрыл лицо ладонями.

— Без изменений. На аппарате ИВЛ. Врачи говорят, показатели стабильные, но в сознание он не приходит. Мозг словно... заснул и не хочет просыпаться. Я заходил к нему в реанимацию. Он такой маленький на этой огромной кровати. Четырнадцать лет. За что?

Он резко поднял голову, и в его глазах Андрей увидел отчаяние.

— Я перевернул всю его комнату. Нашел его старый телефон, который он прятал под матрасом. Официальный мобильник, который сейчас у следователей, чист — там только школьные чаты и музыка. А на этом, неофициальном... Там ад, доктор. Там сотни этих коротких видео. И переписка в закрытом чате.

Костов вытащил из внутреннего кармана пластиковый пакет, в котором лежал дешевый смартфон с треснувшим экраном.

— Я попытался работать по своим каналам, — Костов посмотрел на Андрея. — Вы говорили, что за этим стоит система. Я не верил. Думал, обычные сетевые придурки, малолетние садисты. Но сегодня я пришел в управление и попытался вбить ключевые слова из телефона Дениса в нашу ведомственную базу данных.

Он сделал паузу, словно до сих пор не мог осознать то, что произошло.

— Я использовал Единую информационно-аналитическую систему. Хотел проверить IP-адреса, с которых администрировались эти группы, и хэштеги, которые они использовали. Вбил #SkinAndBones и идентификатор одной из закрытых платформ. Знаете, что произошло?

Андрей подался вперед.

— Система выдала ошибку?

— Хуже, — Костов стиснул зубы. — Экран моргнул, и появилось системное сообщение: «Запрос заблокирован в соответствии с протоколом информационной безопасности № 403-У. Данная категория данных относится к закрытому контуру». Мой личный служебный идентификатор тут же заблокировали. Через пять минут в мой кабинет зашел начальник отдела внутренней безопасности. Вежливо так спросил, почему майор убойного отдела интересуется вопросами, которые находятся в ведении Управления «К» и имеют гриф ограничения доступа. Сказал, чтобы я не совал нос в «непрофильные дела», если хочу дослужить до пенсии.

— Ведомственные базы данных блокируют запросы по ключевым словам, связанным с этими сообществами, — тихо констатировал Андрей. — Это значит, что на государственном уровне или внутри самих силовых структур есть люди, которые обеспечивают информационный купол над этим проектом.

— Или те, кто боится, что правда выйдет наружу, — добавила Арина. — Если общество поймет, что детей убивают не «плохие компании», а целенаправленно спроектированные алгоритмы, это разрушит всю индустрию цифровых платформ. Акции рухнут, начнутся судебные иски на триллионы долларов.

Костов поднялся со стула, его плащ зашуршал.

— Мне плевать на их акции. У меня племянник умирает. И я не собираюсь сидеть сложа руки, пока эти твари чистят логи. Андрей, ты можешь вытащить данные из этого телефона? Следователи его не заберут, я оформил его как утерянный до того, как они начали осмотр квартиры.

Андрей взял пластиковый пакет, достал смартфон и подключил его к своему портативному анализатору.

— Потребуется время. Нужно обойти шифрование раздела данных. Но здесь есть зацепка. Если Денис общался в закрытом чате, там должны быть метаданные других участников. Нам нужен кто-то живой. Кто-то, кто находится в этой же петле прямо сейчас, но еще не сделал последний шаг.

— Я знаю одного парня, — тихо сказал Костов. — Одноклассник Дениса, Дима Волков. Они постоянно крутились вместе последние два месяца. Дима тоже стал странным — замкнулся, забросил тренировки, ходит в куртке с длинными рукавами даже в классе. Я пытался поговорить с его матерью, но она и слушать ничего не хочет. Говорит, у ее сына просто переходный возраст.

— Мы должны поехать к нему, — Арина решительно взяла свое пальто. — Прямо сейчас. Если он в этой же группе, каждый час на счету. Биохимическая зависимость развивается стремительно. Если алгоритм выдаст ему финальный триггер, мы опоздаем.

— Илья, у тебя могут быть проблемы на работе, если узнают, что ты продолжаешь расследование, — предупредил Андрей, упаковывая ноутбук.

Костов посмотрел на него тяжелым, немигающим взглядом.

— Моя работа закончилась в тот момент, когда я увидел Дениса на каталке в приемном покое. Поехали.

Дорога к спальному району, где жил Дима Волков, заняла около получаса. Старая «Тойота» Костова тяжело преодолевала залитые водой выбоины на асфальте. Дворники монотонно скребли по лобовому стеклу, размазывая потоки грязной воды. Город вокруг казался бесконечным лабиринтом из серых панельных многоэтажек, в окнах которых тускло горели желтые и синие экраны телевизоров и компьютеров. Миллионы людей

добровольно запирали себя в цифровых клетках, не подозревая, что прутья этих клеток становятся все ближе.

Они припарковались у типичной девятиэтажки. Подъезд встретил их запахом сырости и тусклым светом одинокой лампочки над железной дверью.

Костов поднялся на четвертый этаж и нажал на кнопку звонка квартиры № 42. За дверью послышался шорох, затем испуганный женский голос спросил:

— Кто там?

— Елена Сергеевна, это майор Костов. Мы говорили с вами сегодня утром. Мне нужно задать Диме несколько вопросов. Это касается Дениса.

Дверь медленно открылась. На пороге стояла бледная женщина в домашнем халате. Ее глаза были красными от слез, а в руках она нервно тискала кухонное полотенце.

— Илья... Я же просила вас. Дима ни при чем. Он не знает, почему Денис это сделал. Они почти не общались в последнее время.

— Елена Сергеевна, пожалуйста, — мягко, но настойчиво вмешалась Арина, делая шаг вперед. — Я доктор Валмиерова, нейропсихолог. Мы здесь не для того, чтобы обвинять вашего сына. Мы хотим помочь ему. Мы боимся, что он может быть в опасности. В такой же, как и Денис.

Женщина посмотрела на Арину, затем на Андрея и Костова. Ее плечи опустились, словно из нее внезапно выпустили весь воздух. Она отступила в сторону, пропуская их в узкую прихожую.

— Он у себя в комнате. Почти не выходит. Все время сидит в телефоне. Я пыталась забрать его, но он... он устроил такую истерику. Стал кричать, что если я заберу телефон, он выбросится из окна. Я испугалась.

Арина переглянулась с Андреем. Это был классический симптом тяжелой абстиненции. Мозг, лишенный привычного стимула, реагировал вспышкой неконтролируемой агрессии и страха.

Они тихо прошли по темному коридору к двери в конце. Костов аккуратно приоткрыл ее.

Комната Димы была погружена в полумрак. Единственным источником света был экран смартфона, который парень держал прямо перед лицом, лежа на кровати. Он не сразу заметил вошедших, его пальцы быстро листали ленту коротких видео. На его бледном лице отражались быстрые вспышки синего и зеленого света.

— Дима, — тихо позвал Костов.

Подросток вздрогнул, мгновенно спрятал телефон под подушку и сел на кровати. На нем была черная толстовка с капюшоном, натянутым на лоб. Рукава были натянуты до самых пальцев.

— Что вам нужно? — его голос был резким, срывающимся на фальцет. — Я уже все сказал полиции. Я ничего не знаю.

Арина мягко прошла в комнату и села на край стула возле письменного стола.

— Дима, мы знаем, что ты ничего плохого не сделал. Мы пришли поговорить о Денисе. Он твой друг, и он сейчас в больнице. Ему очень плохо.

— Он просто слабак, — Дима отвернулся к стене, его плечи задрожали. — Не справился. Не прошел уровень.

— Какой уровень, Дима? — тихо спросил Андрей, делая шаг вперед. — Уровень в игре? Или в том видео, которое вы смотрели вместе?

— Вы ничего не понимаете! — Дима резко повернулся, его глаза дико блестели в темноте. — Это не просто видео. Это... это очищение. Когда ты смотришь, тебе сначала страшно. Очень страшно. Сердце колотится, дышать трудно. А потом... потом экран начинает мерцать. Так странно, словно свет идет волнами. И в голове становится пусто. Все мысли исчезают. Все проблемы, школа, предки — все уходит. Остается только покой.

Арина внимательно наблюдала за его мимикой и жестами.

— А потом этот покой исчезает, правда? — спросила она мягко. — И тебе становится еще хуже, чем было до этого. Начинает давить изнутри. Словно темнота

заполняет все тело. И единственный способ убрать это давление — сделать то, что они говорят в видео.

Дима замер. Он медленно перевел взгляд на Арину, и в его глазах отразился детский, первобытный ужас.

— Откуда... откуда вы знаете?

— Я врач, Дима. Я знаю, как устроен твой мозг. Я знаю, что эта темнота — это не ты. Это химическая ловушка. Тебя заставили поверить, что боль приносит свободу. Но это обман. Твой мозг просто требует новую дозу эндорфинов, как у наркомана, который подсел на иглу.

Дима медленно вытащил руки из-под подушки. Его левый рукав слегка задрался, и Андрей увидел на предплечье ровные, параллельные полосы свежих порезов, едва затянувшихся багровыми корочками. Некоторые из них были воспалены.

Елена Сергеевна, стоявшая в дверях, тихо охнула и закрыла рот рукой. Костов быстро приобнял ее за плечи, уводя назад в коридор, чтобы не провоцировать у мальчика новую вспышку паники.

— Дима, покажи мне телефон, — попросил Андрей, стараясь, чтобы его голос звучал максимально спокойно и дружелюбно. — Я не буду его забирать. Я просто хочу посмотреть на те видео, которые ты смотрел сегодня. Мне нужно понять, как они это делают.

Подросток колебался. Его пальцы судорожно сжимали край подушки, под которой лежал аппарат.

— Они узнают... — прошептал он. — Куратор сказал, если я кому-то покажу чат, они придут за моей мамой. Они знают, где мы живем. Они все знают.

— Они не придут, Дима, — твердо сказал Костов, возвращаясь в комнату. — Я майор полиции. Я буду охранять твой дом. Но чтобы остановить их, мне нужно знать, кто они.

Дима медленно достал телефон и протянул его Андрею. Экран был разблокирован.

Андрей быстро зашел в историю просмотров видеоплатформы. Его пальцы летали по сенсорному экрану, вычлняя системные логи приложения. Он искал не сами ролики, а кэшированные данные кодека.

— Вот оно, — тихо произнес Андрей, показывая экран Арине. — Смотри на структуру кэша. Приложение сохраняет временные файлы в скрытую директорию, которая не индексируется стандартной файловой системой Android. Внутри этих файлов — те самые 283-миллисекундные вставки. Но здесь есть кое-что еще.

Он открыл текстовый редактор на своем ноутбуке, подключил телефон Димы через кабель и запустил скрипт декомпиляции.

— Алгоритм отслеживает реакцию пользователя через фронтальную камеру. Он анализирует частоту моргания и микровыражения лица во время воспроизведения скрытых кадров. Если система видит, что у подростка расширяются зрачки — а это признак активации симпатической нервной системы и выброса адреналина, — она автоматически повышает частоту показа деструктивных роликов в его ленте. Это адаптивная система обратной связи. Она подстраивается под индивидуальный порог чувствительности каждого ребенка.

— Боже мой... — прошептала Арина. — Они создали интерактивную систему психопрограммирования. Она учится на реакциях своих жертв.

— И эта система работает прямо сейчас, — Андрей указал на строку кода, которая продолжала отправлять пакеты данных на удаленный сервер. — Вот IP-адрес назначения. Он замаскирован под стандартный CDN-сервер медиаплатформы, но пакеты идут по нестандартному порту. Это туннелированный трафик.

Костов подошел ближе, вглядываясь в бегущие по экрану строки.

— Ты можешь определить, где физически находится этот сервер?

— Физически — это может быть любой дата-центр в Европе или Азии, арендованный через подставные компании, — Андрей покачал головой. — Но у нас есть адрес локального шлюза. Трафик из этого района города идет через конкретный узел связи. И этот узел... он принадлежит не крупному провайдеру, а частной IT-компании, которая официально занимается «оптимизацией сетевой инфраструктуры».

Костов записал название компании в свой блокнот.

— Я проверю их по нашим базам. Даже если запросы блокируют, у меня есть старые связи в налоговой и реестре юрлиц. Туда протокол безопасности 403-У еще не добрался.

Арина тем временем присела на кровать рядом с Димой. Она аккуратно взяла его за руку, стараясь не задевать порезы.

— Дима, послушай меня очень внимательно. То, что ты чувствуешь сейчас — эту пустоту и страх, — это не твоя вина. Это болезнь. Твой мозг обманут. Но мы можем это исправить. Я хочу, чтобы ты поехал со мной в клинику. Не в психиатрическую больницу, а в мою лабораторию. Мы поможем твоему мозгу восстановить нормальный баланс без этих видео. Ты согласен?

Дима посмотрел на нее. В его глазах, впервые за все время разговора, проступили слезы. Он медленно кивнул.

— Я устал... — прошептал он. — Я так устал бояться. Я просто хочу спать. Нормально спать, без этого шепота в голове.

Елена Сергеевна вошла в комнату и упала на колени перед кроватью сына, обнимая его и плача. Арина поднялась и жестом показала Андрею и Костову, что им нужно выйти.

Они вышли на лестничную площадку. Дождь на улице усилился, его тяжелые капли с силой барабанили по жестяному козырьку подъезда.

— Я отвезу Диму и его мать в клинику, — сказала Арина, застегивая пальто. — Оформлю его как пациента с острым токсическим синдромом, чтобы не привлекать лишнего внимания. В моей лаборатории есть оборудование для транскраниальной магнитной стимуляции. Мы сможем активировать его префронтальную кору и снять эту биохимическую тягу. Но это лишь один ребенок. А их миллионы.

— Мы найдем тех, кто этим управляет, — тихо, но с абсолютной уверенностью произнес Костов. — Андрей, у тебя есть все данные с телефона?

— Да, я скопировал полный образ файловой системы и логи сетевой активности,
— Андрей похлопал по сумке с ноутбуком. — Теперь у нас есть не просто теория. У нас есть доказательства того, как алгоритм использует физиологические уязвимости детей для создания зависимости. И у нас есть адрес шлюза, через который идет управление.

Костов посмотрел на темные окна соседнего дома, в которых продолжали мерцать синие экраны.

— Значит, пора переходить к активным действиям. Завтра утром я начну копать под эту IT-компанию. И что-то мне подсказывает, что их «оптимизация инфраструктуры» пахнет очень крупным криминалом.

Они спустились вниз и вышли под проливной дождь. Холодные капли мгновенно смыли остатки тепла, вернув их в суровую реальность города, где прямо сейчас, за тысячами закрытых дверей, невидимый алгоритм продолжал свою тихую, смертоносную работу.

Глава 3. Стена из стекла

Серые воды Женевского озера казались застывшими, словно налитый в гигантскую чашу свинец. Знаменитый фонтан Же-До был выключен из-за сильного порывистого ветра, и без его привычного белого султана пейзаж за огромными окнами Дворца Наций выглядел сиротливым и плоским. Дождь, начавшийся еще на рассвете, мелкими каплями сек стекло, оставляя на нем тонкие, быстро исчезающие дорожки.

София прижала ладони к холодному стеклу. Внутри здания, в бесконечных коридорах из серого мрамора и полированного дерева, царила удушливая, стерильная тишина, нарушаемая лишь тихим шелестом дорогих тканей, скрипом кожаных туфель и приглушенным гулом синхронного перевода, доносившимся из приоткрытых дверей залов заседаний. Здесь, в самом сердце международной дипломатии, человеческие трагедии превращались в аккуратные абзацы резолюций, а кровь и слезы — в предмет затяжных процедурных споров.

Она вернулась к своему рабочему столу, заваленному распечатками юридических документов, экспертных заключений и статистических таблиц. На самом верху стопки лежал проект ее доклада для Подкомитета ООН по поощрению и защите прав человека. София несколько месяцев выстраивала эту аргументацию, выверяя каждое слово, каждую запятую, чтобы у оппонентов не было ни единого шанса зацепиться за неточность формулировок.

Ее цель была амбициозной и, как утверждали многие ее коллеги, практически невыполнимой: ввести в международное правовое поле четкое, юридически обязывающее определение «информационного терроризма».

София открыла рабочую тетрадь и еще раз перечитала ключевую формулировку, которую она предлагала зафиксировать в качестве базовой:

Информационный терроризм — это форма негативного воздействия на личность, общество и государство различными видами информации с целью ослабления и расшатывания конституционного строя.

Она понимала, что главная опасность этого явления заключается в его невидимости для существующей правовой системы. В отличие от классического терроризма, где присутствуют физическое насилие, взрывы, захват заложников и прямые угрозы, информационный террор действует скрытно. Он не разрушает здания, он разрушает психику. Он воздействует на подсознание людей, обходя критическое мышление, формирует нужные мнения и суждения, которые затем направляют поведение масс. И самое страшное — общество не воспринимает это как террористический акт, а значит, не выстраивает от него никакой защиты.

София вздохнула и потерла виски. Существующее международное право было создано в эпоху физических границ и суверенных государств. Оно умело справляться с танками, ракетами и даже с трансграничной преступностью, но пасовало перед строками кода, которые транслировались с серверов, расположенных в офшорных зонах, прямо на экраны детских смартфонов.

Чтобы доказать, что это не теоретическая абстракция, Софии нужен был прецедент. И такой прецедент существовал.

Она вытащила из папки копию судебного решения, вынесенного в Великобритании. Дело Молли Рассел. Четырнадцатилетняя девочка из лондонского пригорода покончила с собой в ноябре 2017 года. Ее отец, Ян Рассел, потратил пять лет на то, чтобы заставить технологических гигантов предоставить данные из аккаунтов его дочери. То, что обнаружило следствие, шокировало даже бывалых юристов. За последние месяцы жизни алгоритмы рекомендаций буквально завалили Молли депрессивным контентом, изображениями самоповреждений и скрытой пропагандой суицида. Из 16 300 постов, которые она просмотрела в одной из популярных сетей за последние полгода, более двух тысяч были напрямую связаны с темой депрессии и членовредительства.

София помнила исторический вердикт, вынесенный старшим коронером северного Лондона Эндрю Уокером в сентябре 2022 года. Она нашла нужную страницу и прочитала полный текст заключения, который использовала в качестве главного тарана против юридической брони корпораций:

Было бы небезопасно квалифицировать смерть Молли как самоубийство. Она умерла от акта самоповреждения, страдая от депрессии и неблагоприятного воздействия онлайн-контента. Этот контент изображал и нормализовал самоповреждения, поощрял их и в некоторых случаях идеализировал. Он создавал атмосферу, из которой Молли не видела выхода, и внес более чем минимальный вклад в ее смерть.

Это был первый случай в мировой практике, когда суд официально признал деструктивный контент социальных сетей ключевым фактором гибели ребенка. Не «сопутствующим обстоятельством», не «триггером на фоне существующей нестабильности», а именно фактором, внесшим «более чем минимальный вклад».

Но этот прецедент оставался локальным решением британского суда. На международном уровне он не имел юридической силы. Для глобальных платформ это была лишь досадная судебная издержка, которую они быстро закрыли многомиллионными компенсациями и формальными обещаниями «улучшить модерацию».

София посмотрела на часы. До начала закрытых слушаний оставалось пятнадцать минут. Она собрала документы в кожаную папку, поправила строгий темно-синий жакет и вышла из кабинета.

Зал заседаний № XVII был оформлен в классическом стиле: тяжелые панели из мореного дуба, полукруглые столы для делегатов, оборудованные микрофонами и пультами для голосования, и огромная люстра под высоким потолком. За столом президиума уже сидели члены Комитета — дипломаты, юристы и эксперты из разных стран. Их лица выражали вежливую скуку людей, которые годами слушают доклады о нарушениях прав человека и давно выработали к ним профессиональный иммунитет.

София заняла место за трибуной для докладчиков. Напротив нее, в секторе для советников и наблюдателей, сидел человек, присутствие которого заставило ее внутренне подобраться.

Кристиан Дюпон.

Официально он числился независимым советником Комитета по правам человека, но в кулуарах Дворца Наций все знали его настоящую роль. Дюпон был одним из самых высокооплачиваемых и влиятельных лоббистов, представляющих интересы консорциума крупнейших технологических и медийных корпораций Кремниевой долины и Азии. Прожженный юрист с безупречными манерами, выпускник Сорбонны, он сочетал в себе аристократический шарм и абсолютную, ледяную циничность. На нем был безупречно сидящий серый костюм-тройка, а на запястье поблескивали ультратонкие часы Vacheron Constantin. Он слегка улыбнулся Софии, встретившись с ней взглядом, и этот жест был похож на приветствие фехтовальщика перед смертельным выпадом.

— Слово предоставляется госпоже Софии Варгас, международному эксперту по правам человека в цифровой среде, — объявил председатель комитета, пожилой шведский дипломат с усталым голосом.

София включила микрофон. Ее голос зазвучал под сводами зала — спокойно, уверенно, без лишней эмоциональности, которая могла бы выдать ее волнение.

— Уважаемые члены Комитета, — начала она. — Сегодня мы сталкиваемся с угрозой, которая не укладывается в привычные рамки международного гуманитарного права. Мы привыкли защищать людей от физического насилия, но мы абсолютно беззащитны перед насилием алгоритмическим. Каждый день миллионы детей по всему миру подвергаются скоординированным атакам, цель которых — разрушение их психического здоровья и склонение к деструктивному поведению.

Она подробно изложила суть проблемы, опираясь на данные исследований Арины Валмиеровой и технический анализ, предоставленный Андреем. Она говорила о том, как рекомендательные системы выстраивают индивидуальные траектории вовлечения, как они используют уязвимости подростковой психики и как скрытые вставки в видеопотоке блокируют критическое мышление.

— Мы имеем дело не с хаотичным распространением вредной информации, — подчеркнула София, глядя прямо на членов президиума. — Это целенаправленная, высокотехнологичная деятельность, которая полностью соответствует признакам терроризма. Ее цель — создание атмосферы страха, дестабилизация обществ и подрыв доверия к государственным институтам, которые оказываются неспособны защитить собственных граждан. Прецедент Молли Рассел в Великобритании доказал, что связь между контентом и гибелью детей является прямой и юридически доказуемой. Нам необходима международная конвенция, которая приравнивает деструктивное информационное влияние к преступлениям против человечности.

Когда она закончила, в зале на несколько секунд воцарилась тишина. Некоторые делегаты начали делать пометки в своих блокнотах. Председатель Комитета кивнул и повернулся в сторону сектора советников.

— Спасибо, госпожа Варгас. Есть ли вопросы или комментарии у членов Комитета или приглашенных экспертов?

Кристиан Дюпон медленно поднял руку. Получив кивок председателя, он включил свой микрофон. Его голос, глубокий, бархатистый баритон, мгновенно заполнил пространство зала. Он говорил на безупречном английском с легким, едва уловимым французским акцентом, который придавал его речи особое изящество.

— Я хотел бы поблагодарить госпожу Варгас за ее... весьма эмоциональное выступление, — начал Дюпон, и в его тоне послышалась едва заметная покровительственная нотка. — Забота о безопасности детей — это наш общий священный долг. Однако, как юристы, мы должны руководствоваться не эмоциями, а строгими правовыми категориями. И здесь, к моему глубокому сожалению, концепция, представленная уважаемым докладчиком, рассыпается при первом же серьезном анализе.

Он аккуратно поправил манжеты рубашки и перевернул страницу лежащего перед ним документа.

— Во-первых, госпожа Варгас предлагает использовать термин «информационный терроризм». Но давайте обратимся к базовым принципам международного права. Терроризм всегда предполагает наличие субъекта, умысла и применения физического насилия или угрозы такового для достижения политических целей. В случае с рекомендательными алгоритмами социальных сетей мы имеем дело с автоматизированными математическими системами, цель которых — оптимизация пользовательского опыта и предоставление релевантного контента. Где здесь субъект преступления? Где умысел на нанесение вреда? Алгоритм не имеет сознания, он не может испытывать злобы или стремиться к дестабилизации общества.

— Алгоритм создается людьми, — резко вставила София, не дожидаясь своей очереди. — И эти люди прекрасно знают, как их системы влияют на психику. Они получают отчеты о росте случаев самоповреждений, но сознательно игнорируют их ради сохранения прибыли. Это и есть умысел.

Дюпон снисходительно улыбнулся, словно общался с нерадивой студенткой.

— Это предположение, госпожа Варгас, которое невозможно доказать в суде. Технологические компании тратят миллиарды долларов на безопасность и модерацию контента. Любые сбои в работе алгоритмов — это технические погрешности, неизбежные при обработке таких колоссальных объемов данных. Но главное даже не в этом.

Он сделал паузу, обводя взглядом зал, и его лицо стало предельно серьезным.

— Главное — это то, что предложения госпожи Варгас несут в себе прямую и смертельную угрозу для фундаментального права человека, зафиксированного в статье 19 Всеобщей декларации прав человека. Я говорю о свободе мнений и их выражения, а также о праве искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Если мы позволим международным институтам или государствам регулировать рекомендательные системы под предлогом борьбы с «информационным терроризмом», мы откроем ящик Пандоры. Любое авторитарное правительство получит легальный инструмент для цензуры, блокировки неугодных мнений и преследования оппозиции. Кто будет определять, какой контент является «деструктивным»? Государственные чиновники? Это прямой путь к тотальному контролю над мыслями людей.

София почувствовала, как внутри нее закипает гнев. Дюпон бил по самому чувствительному месту западной правовой системы — по страху перед цензурой. Он использовал концепцию свободы слова как щит для защиты корпоративных интересов, прекрасно понимая, что для большинства европейских и американских дипломатов этот аргумент является священной коровой.

— Мы говорим не о цензуре мнений, а о регулировании скрытых механизмов воздействия, — возразила она, стараясь говорить максимально спокойно. — Мы требуем прозрачности алгоритмов. Если платформа использует сублиминальные вставки, которые мозг не успевает осознать, это не имеет никакого отношения к свободе слова. Это прямое насилие над сознанием.

— И снова мы слышим технически недоказуемые утверждения, — мягко парировал Дюпон. — Современные стандарты сжатия видео могут создавать артефакты, мерцание и ложные визуальные паттерны, которые технические специалисты госпожи Варгас пытаются выдать за «скрытые команды». Но даже если согласиться с тем, что проблема существует, ее решение лежит исключительно в плоскости саморегулирования индустрии. Государственное вмешательство здесь недопустимо и технически неосуществимо. Большинство государств сегодня просто не обладают необходимыми компетенциями и ресурсами для аудита сложных нейросетевых моделей. Пытаться контролировать глобальные платформы на национальном уровне —

это все равно что пытаться регулировать движение облаков в небе. Это юридическая иллюзия.

Председатель Комитета откашлялся, прерывая дискуссию.

— Спасибо, господин Дюпон. Спасибо, госпожа Варгас. Комитет принимает к сведению предоставленные материалы. Однако мы должны согласиться с тем, что на данный момент у нас нет достаточного консенсуса и четкой правовой базы для вынесения этого вопроса на пленарное заседание Генеральной Ассамблеи. Нам потребуется дополнительное время для изучения технических аспектов проблемы.

София почувствовала, как внутри нее что-то оборвалось. Это была вежливая, бюрократическая смерть ее инициативы. Документ, над которым она работала несколько месяцев, будет отправлен в архив, где он покроется пылью вместе с сотнями других подобных докладов.

После окончания заседания София медленно шла по длинному коридору Дворца Наций. Папка с документами казалась невероятно тяжелой. Вокруг нее сновали дипломаты, переводчики и журналисты, все они куда-то спешили, обсуждая курсы валют, новые назначения и вечерние приемы. Мир продолжал жить своей привычной, сытой жизнью, абсолютно слепой к той тихой войне, которая шла прямо сейчас в миллионах детских комнат.

— Госпожа Варгас, подождите.

Она обернулась. Ее догонял Кристиан Дюпон. На его лице не было и следа той жесткости, которую он демонстрировал во время дебатов. Он улыбался своей мягкой, располагающей улыбкой, словно они только что закончили приятную дружескую беседу.

— Отличная работа, София, — сказал он, пристраиваясь рядом с ней. — Вы были великолепны. Ваша аргументация по делу Молли Рассел... это было действительно сильно. На мгновение я даже испугался, что наш шведский председатель расплчется.

— Избавьте меня от вашего лицемерия, Кристиан, — холодно ответила София, не замедляя шага. — Вы только что похоронили единственную возможность остановить эту бойню на международном уровне. Вы прекрасно знаете, что эти алгоритмы убивают детей. Вы видели отчеты. Вы видели статистику.

Дюпон вздохнул и развел руками, демонстрируя искреннее, как могло показаться со стороны, сожаление.

— София, вы идеалистка. И в этом ваша главная слабость. Вы пытаетесь применить законы девятнадцатого века к реальности двадцать первого. Мир изменился. Государства больше не являются главными игроками на этой арене. Они проиграли эту войну еще тогда, когда позволили частным компаниям построить глобальную цифровую инфраструктуру.

Они подошли к выходу на широкую террасу, выходящую к озеру. Дождь почти прекратился, но небо оставалось тяжелым, свинцовым. Дюпон достал из кармана пачку тонких сигарет, предложил Софии и, получив отказ, закурил сам. Тонкая струйка сизого дыма быстро растворилась в холодном воздухе.

— Посмотрите на эти правительства, — Дюпон указал рукой в сторону города, где среди деревьев виднелись крыши дипломатических вилл. — Они все страдают от того, что в психологии называют выученной беспомощностью. Они принимают законы, выписывают штрафы на сотни миллионов долларов, устраивают показательные слушания в конгрессах и парламентах. Но это все — лишь имитация деятельности. Игра на публику. В глубине души они прекрасно понимают, что они бессильны. Они не могут отключить эти платформы, потому что на них завязана вся экономика, вся система коммуникаций, весь финансовый сектор. Если завтра условный Facebook или TikTok отключится хотя бы на сутки, начнется глобальный хаос.

Он сделал глубокую затяжку и посмотрел на Софию своими холодными, умными глазами.

— Государства добровольно отдали контроль над сознанием своих граждан частным корпорациям в обмен на удобство и экономический рост. И теперь они не могут забрать этот контроль обратно. Они просто не знают, как это сделать технически. У них нет специалистов, нет технологий, нет понимания процессов. Они как туземцы, которые пытаются регулировать работу прилетевшего инопланетного корабля с помощью деревянных законов.

— И поэтому мы должны просто сдаться? — София в упор посмотрела на него. — Смотреть, как ваши клиенты превращают детей в биороботов, готовых нанести себе

увечья по первому сигналу алгоритма? Вы ведь тоже отец, Кристиан. У вас есть дочь. Ей, кажется, двенадцать?

Лицо Дюпона на мгновение окаменело. Его улыбка исчезла, а взгляд стал острым и холодным, как лезвие скальпеля. Но это длилось лишь секунду. Он быстро вернул себе маску вежливого безразличия.

— Моя дочь учится в закрытом пансионе в Швейцарии, София. Там нет интернета, нет смартфонов, а книги они читают только в бумажном переплете. Я могу позволить себе защитить своего ребенка. А те миллионы, о которых вы так печетесь... это естественный отбор цифровой эпохи. Если общество не способно адаптироваться к новым технологиям, оно обречено на деградацию. Это не моя вина и не вина моих клиентов. Это просто эволюция.

Он бросил окурок в урну и поправил лацканы пиджака.

— Не тратьте свое время на ООН, София. Здесь вы ничего не добьетесь. Стена, в которую вы бьетесь, сделана из очень толстого, бронированного стекла. Вы видите то, что за ней находится, вам кажется, что до цели рукой подать, но вы никогда не сможете ее разбить. Система защищает сама себя.

Он вежливо кивнул ей, развернулся и пошел обратно в здание Дворца Наций. Его шаги были легкими и уверенными, шаги человека, который точно знает правила игры и всегда выигрывает.

София осталась стоять на террасе одна. Холодный ветер с озера пронизывал ее до костей, но она не двигалась. Слова Дюпона о «выученной беспомощности» государств продолжали звучать в ее голове. Она понимала, что он прав. Существующая юридическая система была мертва. Она была неспособна защитить людей от угроз нового типа, потому что сами создатели этой системы были парализованы страхом перед будущим, которое они упустили из-под контроля.

Она достала из сумки телефон и открыла мессенджер. В закрытом чате, где они общались с Андреем и Ариной, висело несколько новых сообщений. Андрей прислал файл с анализом трафика из телефона Димы Волкова, а Арина написала, что состояние

мальчика удалось стабилизировать, но его мозг все еще находится в состоянии глубокого угнетения.

София быстро набрала ответное сообщение:

«Официальный путь закрыт. Дюпон заблокировал резолюцию в Комитете. Они используют свободу слова как прикрытие для своих алгоритмов. Нам нужны не просто юридические аргументы. Нам нужны неопровержимые доказательства того, что эта система создана преднамеренно. Андрей, ты смог продвинуться по адресу шлюза?»

Ответ от Андрея пришел почти мгновенно:

«Да. Костов пробил IT-компанию, через которую идет трафик. Официально они занимаются оптимизацией сетей, но их реальный владелец скрывается за цепочкой офшоров. И у нас есть адрес их физического сервера в городе. Это старый складской терминал в промышленной зоне. Мы с Костовым планируем поехать туда сегодня вечером».

София убрала телефон в карман. Она посмотрела на серое Женевское озеро, на величественные, но бесполезные здания международных организаций вокруг. Здесь, в этих кабинетах, больше не было ответов. Правда была там, на грязных улицах промзон, в сырых подвалах и на экранах взломанных телефонов.

Она быстро пошла к выходу из Дворца Наций. Ей нужно было успеть на вечерний рейс. Время дипломатических дискуссий закончилось. Начиналось время расследования.

Глава 4. По следам модераторов

Вода на лобовом стекле старой «Тойоты» ложилась тяжелыми, жирными пластами, сквозь которые уличные фонари промзоны казались размытыми желтыми карликами. Дворники работали на пределе, издавая противный резиновый скрип, но толку от них было мало.

Илья Костов сидел, положив руки на руль, и смотрел на темные окна заброшенного склада на противоположной стороне улицы. Его пальцы монотонно постукивали по кожаной оплетке. Два часа назад в его кабинете на Петровке состоялся разговор, после которого у него до сих пор горело в груди, словно он глотнул чистого спирта.

Полковник Воронов, его непосредственный начальник, зашел без предупреждения. Он не стал садиться, просто положил на заваленный бумагами стол Костова тонкую синюю папку.

— Закрывай, Илья, — сказал Воронов, глядя куда-то мимо его лица, на серую стену с календарем. — Дело Дениса Костова. Экспертиза готова. Бытовой инцидент. Острая фаза подростковой депрессии на фоне неразделенной влюбленности или проблем с учебой. Там черным по белому написано.

— Какая депрессия, Петр Семенович? — Костов даже не прикоснулся к папке. — Мальчишка за два дня до этого строил планы на каникулы. У него в телефоне закрытый чат, где его вели за руку. Я пытался пробить IP-адреса, система выдала блокировку безопасности. Наш собственный главк блокирует расследование.

Воронов тогда впервые посмотрел ему прямо в глаза — взгляд был тяжелым, свинцовым, лишенным всякого сочувствия.

— Ты умный мужик, Илья. И убойный отдел прошел, и в главке не первый год. Должен понимать: есть вещи, которые не нашего ума дела. Твой племянник — трагедия, я все понимаю. Но если ты начнешь копать под эту IT-компанию, под их шлюзы и серверы, ты не просто погоны потеряешь. Тебя по статье уволят, а дело все равно закроют. Внутренняя безопасность уже затребовала все логи твоих запросов. Мне прямым текстом сказали: майор Костов проявляет нездоровый интерес к закрытым информационным контурам. Сделай выводы.

Костов сделал выводы. Он забрал со стола личные записи, неофициальный телефон племянника и просто ушел, не подписав рапорт о закрытии. Официально он взял три дня отгулов по семейным обстоятельствам. Неофициально — переступил черту, за которой закон больше не защищал его самого.

— Илья, ты тут? — негромкий голос Андрея с пассажирского сиденья вернул его в сырую реальность салона.

Костов моргнул, стряхивая оцепенение.

— Да. Задумался. Что там по шлюзу?

Андрей сидел, согнувшись в три погибели, с ноутбуком на коленях. Экран заливал его бледное лицо синеватым светом. На коленях у него лежал портативный дешифратор, подключенный к мобильному модему.

— Трафик, который шел с телефона Димы Волкова, замыкается на локальный узел на этой улице, — Андрей указал пальцем на экран, где на цифровой карте пульсировала красная точка. — Но это не серверный центр. Это жилой дом. Обычная пятиэтажка, бывшее общежитие коридорного типа для работников кабельного завода. Провайдер выдал этот IP-адрес конкретному абоненту. Договор оформлен на некоего Агеева Кирилла Дмитриевича, двадцать два года. Отчислен со второго курса радиотехнического колледжа два года назад.

— Радиотехник, значит, — Костов потянулся к карману за сигаретами, но вспомнил, что они закончились, и лишь раздраженно щелкнул пустой зажигалкой. — Думаешь, он и есть тот самый кукловод?

— Вряд ли, — Андрей покачал головой, не отрывая взгляда от бегущих строк лога. — Масштаб не тот. Чтобы спроектировать адаптивный алгоритм, который анализирует мимику через фронтальную камеру и подстраивает частоту мерцания кадров, нужны ресурсы целого института или R&D-отдела крупной корпорации. Агеев — это просто низовое звено. Модератор. Тот, кто сидит на «последней миле» и координирует конкретных детей в чатах, выдавая им финальные инструкции. Локальный куратор.

— Пошли, — Костов открыл дверь машины. Холодный дождь мгновенно швырнул ему в лицо горсть ледяных капель. — Посмотрим на этого радиотехника.

Подъезд пятиэтажки встретил их запахом сырости. Лифт не работал — шахта была заколочена старыми досками еще в девяностых. Они поднимались по щербатым бетонным ступеням на четвертый этаж. На стенах, выкрашенных облупившейся зеленой

краской, красовались корявые граффити и номера телефонов, предлагающих быструю доставку запрещенных веществ.

Костов шел впереди, его рука привычно лежала в кармане плаща, на рукоятке табельного Макарова. Он понимал, что идет на неофициальный обыск без ордера, и любая ошибка сейчас могла стать для него фатальной. Но страха не было — была лишь холодная, расчетливая пустота, которая всегда помогала ему на выездах в бытность работы в убойном отделе.

Они остановились у двери с номером 48. Дверь была старой, обитой потрескавшимся дерматином, из-под которого торчала серая вата. Изнутри не доносилось ни звука.

Костов нажал на кнопку звонка. Раздался противный, дребезжащий зуммер.

Минуту ничего не происходило. Костов позвонил еще раз, на этот раз дольше и настойчивее. Наконец, за дверью послышался шорох, тихий скрип половиц и неуверенный голос:

— Кто там?

— Агеев Кирилл? — громко спросил Костов, прижимаясь плечом к косяку. — Открывай. Уголовный розыск. Если не откроешь через минуту, я вызываю МЧС и мы ломаем дверь. Соседи снизу жалуются, что ты их заливаешь.

Это была старая, рабочая уловка. Про залив соседей всегда работало безотказно — люди инстинктивно пугались материальной ответственности больше, чем полиции.

За дверью завопили, загремел тяжелый засов, и она медленно приоткрылась на длину предохранительной цепочки. В щели показалось бледное, осунувшееся лицо молодого парня с невымытыми салными волосами и глубокими темными кругами под глазами. Его зрачки были расширены, а губы мелко подрагивали.

— Какая полиция? — пробормотал он. — У меня все сухо. Я никого не заливаю.

Костов не стал спорить. Он резко, но аккуратно надавил плечом на дверь. Цепочка, закрепленная на хлипких шурупах в трухлявой деревянной коробке, с мясом вырвалась

из косяка. Дверь распахнулась, и Костов быстрым движением вошел внутрь, увлекая за собой Андрея и закрывая за ними дверь.

— Эй! Вы не имеете права! Где ордер? — Агеев отступил назад, испуганно вскидывая руки. На нем были грязные спортивные штаны и растянутая футболка с логотипом какой-то рок-группы. Его руки были покрыты мелкими, едва затянувшимися царапинами и следами от ожогов сигарет.

Костов молча достал удостоверение, раскрыл его перед самым носом парня и так же медленно убрал обратно.

— Ордер будет, Кирилл. Чуть позже. А пока мы просто разговариваем. О Денисе Костове и Диме Волкове. Помнишь таких?

При упоминании этих имен Агеев словно уменьшился в размерах. Его плечи опустились, а лицо приобрело землистый оттенок. Он попятился и тяжело сел на колченогий табурет в узком, заваленном хламом коридоре.

— Я... я ничего не сделал, — прошептал он, закрывая лицо руками. — Я просто выполнял инструкции. Они сказали, что так надо. Что это игра.

— Игра? — Костов шагнул к нему, его голос стал тихим и вкрадчивым, отчего казался еще более опасным. — Мой племянник сейчас в реанимации на аппарате искусственного дыхания. Его друг Дима Волков едва не отправился вслед за ним. Ты называешь это игрой, сынок?

— Вы не понимаете... — Кирилл затрясся, из его глаз покатились слезы, оставляя чистые дорожки на грязных щеках. — Они меня убьют, если я расскажу. Они все знают. Они знают, где живет моя мать. Они прислали мне фото ее подъезда. И мои долги... они выкупили мои долги у микрофинансовой конторы. Я был должен триста тысяч, они сказали, что все спишут, если я буду просто модерировать чаты.

Андрей тем временем прошел в единственную комнату квартиры. Это было типичное жилище опустившегося геймера или сетевого затворника. Окна были плотно занавешены тяжелыми одеялами, не пропускающими дневной свет. В углу гудел мощный системный блок без боковой панели, от которого тянулись десятки кабелей к

трем мониторам. На столах громоздились горы пустых банок из-под энергетиков, коробки от пиццы и окурки, затушенные прямо о клавиатуру.

— Илья, иди сюда, — позвал Андрей.

Костов за шиворот поднял Кирилла с табурета и толкнул его в комнату, заставив сесть на кровать. Сам встал рядом, контролируя каждое его движение.

Андрей сел за рабочий стол Агеева. На одном из мониторов была открыта консоль управления закрытым мессенджером, работающим через децентрализованную сеть Matrix. Интерфейс был непривычным — кастомизированный клиент с черным фоном и зелеными строками кода.

— Как ты связывался с кураторами верхнего уровня? — спросил Андрей, не оборачиваясь.

— Через «Элемент», — тихо ответил Кирилл, шмыгая носом. — Но там нет имен. Только цифровые идентификаторы. И сообщения удаляются автоматически через тридцать секунд после прочтения. Серверы где-то в Швейцарии или Исландии, я не знаю.

— А инструкции? Как ты получал задания для детей? — Андрей быстро листал логи, которые еще не успели стереться из оперативной памяти.

— Они не присылают целые тексты, — Кирилл обхватил себя руками за плечи, его колотила крупная дрожь. — Это... они называют это пазлами. Пазловое кодирование. Мне приходит кусок кода или картинка с набором цифр. Другому модератору, в соседнем районе, приходит текстовый файл. Третьему — аудиодорожка. Мы не знаем друг друга. Но система устроена так, что инструкции собираются в одно целое только на устройстве самого ребенка, когда он заходит в приложение.

Андрей замер, его пальцы зависли над клавиатурой.

— То есть, единого центрального сервера, который рассылает деструктивные команды, физически не существует? — спросил он, поворачиваясь к Кириллу.

— Нет, — парень покачал головой. — Все дробится на мелкие фрагменты. Один фрагмент зашит в обновление популярной игры. Другой — в музыкальный трек, который

вирусится в ленте. Третий — в хэштег. Ребенок просто листает ленту, его телефон собирает эти фрагменты, как пазл, и запускает скрытый протокол. Я... я даже не знал, что именно они увидят. Моя задача была простой: следить, чтобы они не выходили из чата, подогревать их интерес, писать им с фейковых аккаунтов, если они начинают сомневаться.

— Использовать методы психологического давления, — констатировал Костов. — Ты сам писал им угрозы?

— Мне присылали готовые скрипты! — выкрикнул Кирилл, срываясь на истерику. — Я просто копировал и вставлял! «Если ты уйдешь, твоя мама узнает, какой ты урод». «Твои друзья смеются над тобой за спиной». «Единственный способ доказать, что ты чего-то стоишь — пройти испытание». Я сам был в этой петле! Они меня так же прессовали, когда я пытался соскочить. Они прислали мне запись, как я сплю в этой комнате, снятую через мою же веб-камеру. Они контролируют каждый мой шаг!

Андрей поднялся со стула и начал аккуратно осматривать полки над столом. Среди дисков с играми и старых учебников по программированию он заметил толстую пластиковую папку-скоросшиватель без каких-либо опознавательных знаков. Он достал ее и раскрыл.

Внутри были аккуратно подшиты распечатанные листы формата А4. Это были не технические спецификации. Это были методические материалы, написанные сухим, академическим языком, изобилующим терминами из области психиатрии и нейробиологии.

Андрей начал читать вслух, и его голос становился все более глухим с каждой строчкой:

«...Методика деструктивного изменения сознания субъекта через контролируемое сужение сенсорного поля. Этап 1: Деприация сна в сочетании с высокочастотной визуальной стимуляцией (15-18 Гц). Цель — достижение состояния когнитивной податливости и снижение порога критического восприятия. Этап 2: Внедрение суггестивных паттернов (пазловое кодирование) на фоне искусственно вызванного дефицита эндогенных опиатов...»

— Боже... — прошептал Андрей, переводя взгляд на Арину, которой здесь не было, но чьи слова о биохимической петле мгновенно всплыли в его памяти. — Это профессиональные психотехники изменения сознания. Это не просто методички для интернет-троллей. Это прикладная психофизиология воздействия. Или разработки закрытых лабораторий.

Костов подошел ближе и заглянул в папку. На полях некоторых страниц были сделаны аккуратные пометки синей шариковой ручкой — размашистый, уверенный почерк человека, привыкшего отдавать приказы. Одна из записок гласила: «Проверить эффективность на выборке до 1000 субъектов в целевом регионе. Обратит внимание на скорость формирования аддиктивного ответа».

— Откуда у тебя это, Кирилл? — Костов взял папку из рук Андрея и потряс ей перед лицом Агеева. — Кто тебе это дал?

— Прислали курьером, — пробормотал парень, вжимаясь в стену. — Месяц назад. В коробке из-под пиццы. Там был этот скоросшиватель и флешка с ключами шифрования для Matrix. На флешке был файл «Инструкция по эксплуатации». Я должен был выучить эти методы, чтобы правильно общаться с подростками в чатах. Там написано, как выявлять их слабые места — одиночество, конфликты с родителями, комплексы по поводу внешности. И как использовать эти слабые места, чтобы... чтобы ломать их.

Костов бережно убрал папку в свой портфель. Это было первое реальное, осязаемое вещественное подтверждение. Не строки кода на экране, которые можно стереть одним нажатием клавиши, а физический документ, содержащий детальное описание преступной технологии.

— Андрей, забирай жесткие диски, — приказал Костов. — Все, что сможешь вытащить. Флешки, роутер, телефон этого деятеля.

— Нет, пожалуйста! — Кирилл попытался подняться с кровати, но Костов тяжелой ладонью уложил его обратно. — Если они увидят, что я не в сети, они поймут, что меня взяли. Они активируют удаленное стирание! У них есть доступ к моему BIOS на аппаратном уровне. Они просто сожгут материнскую плату через перенапряжение контроллера питания!

Андрей быстро оценил ситуацию.

— Он прав. Некоторые современные материнские платы имеют уязвимости, позволяющие через модифицированную прошивку подать избыточный ток на чипсет и физически уничтожить флеш-память. Мне нужно сделать физический дамп памяти прямо сейчас, в обход операционной системы.

Он достал из своего рюкзака программатор и набор зажимов-клипс. Быстрыми, точными движениями, выработанными годами работы в лаборатории кибербезопасности, Андрей отключил питание системного блока Агеева, нашел на плате микросхему SPI-flash, отвечающую за хранение прошивки и ключевых данных, и нацепил на нее клипсу программатора.

— Копирование пошло, — тихо сказал он, глядя на индикатор выполнения на своем ноутбуке. — Пять минут. Если они попытаются удаленно стереть данные, они опоздают. Мы заберем чистый образ прошивки и сохраним то, что успели вытащить из активной сессии.

В комнате повисла тяжелая, напряженная тишина, нарушаемая лишь монотонным гулом кулеров и шумом дождя за окном. Костов стоял у окна, приоткрыв одеяло и глядя на улицу. Его мысли снова вернулись к разговору с Вороновым.

«Бытовой инцидент». Как просто и удобно. Списать смерть десятков детей на их собственную слабость, на плохую генетику, на недосмотр родителей. Общество с готовностью верит в это, потому что признать правду слишком страшно. Признать, что твоя собственная квартира, где твой ребенок сидит в своей комнате с телефоном в руках, больше не является безопасным местом. Что враг проник внутрь, обойдя все замки и засовы, и медленно, методично убивает твоего ребенка прямо у тебя на глазах, используя его же собственный мозг в качестве оружия.

Костов вспомнил, как в 2008 году, еще до большой реформы милиции, подразделения по борьбе с организованной преступностью начали срочно переформатировать. На их базе создали подразделения по противодействию экстремизму, а функции борьбы с организованной преступностью общеуголовной направленности передали уголовному розыску. Оперативников, привыкших работать

«на земле» — жестко, прямолинейно, иногда на грани фола, но эффективно, — начали разводить по новым направлениям, и часть людей оказалась в центрах «Э».

Он помнил, как его коллеги, крепкие парни с «Улиц разбитых фонарей», не имеющие специального образования и представления о том, какими тонкими и сложными могут быть информационные и религиозные процессы, пытались применять свои старые методы к новым реалиям. Они искали врагов государства по старым лекалам. Когда националисты «закончились» и перестали давать нужную отчетность, оперативники из провинциальных центров «Э» начали приходить в церковные миссионерские отделы, откровенно спрашивая: «Ребята, мы слышали, вы тут боретесь с какими-то гадами, сектантами. У нас по ним информации нет. Не можете поделиться адресами, телефонами, именами пасторов? Нам отчетность закрывать надо».

И с ними делились. Давали координаты, списки прихожан, методички Александра Дворкина и прочую литературу, которую оперативники принимали за истину в последней инстанции. Вчерашние борцы с бандитами начинали преследовать простых верующих людей с тонкой душевной организацией, видя в них угрозу национальной безопасности просто потому, что так было проще отчитываться перед начальством.

Система не хотела учиться. Она хотела простых решений и красивых цифр в отчетах. И теперь эта же система, ослепшая от собственной бюрократии и коррупции, оказалась абсолютно беспомощной перед лицом настоящей, высокотехнологичной угрозы. Она предпочитала закрывать глаза и объявлять гибель детей «бытовыми инцидентами», лишь бы не признавать свою полную импотенцию.

— Готово, — голос Андрея вырвал его из воспоминаний. — Дамп памяти снят. Я также скопировал все ключи шифрования из оперативной памяти, пока система была активна. Теперь мы сможем расшифровать их закрытые чаты в Matrix.

Костов повернулся к Агееву. Тот сидел на кровати, сжавшись в комок, и тихо всхлипывал.

— Что с ним делать? — спросил Андрей, указывая на парня. — Если мы оставим его здесь, его кураторы поймут, что произошла утечка.

— Мы забираем его с собой, — твердо сказал Костов. — Официально я его задержать не могу — у меня нет санкции. Но неофициально... Кирилл, ты ведь хочешь жить?

Парень быстро закивал, глядя на Костова с надеждой и ужасом.

— Тогда ты сейчас собираешь свои вещи, берешь документы и едешь с нами. Мы отвезем тебя в одно место, где тебя никто не найдет. В лабораторию доктора Валмиеровой. Там есть охрана и медицинский бокс. Ты побудешь там, пока мы не разберемся с твоими хозяевами. Это твой единственный шанс не получить «бытовой инцидент» в виде случайного падения из окна или передозировки. Понял?

— Да... да, я согласен, — Кирилл вскочил и начал судорожно запихивать в старый рюкзак какие-то вещи, зарядные устройства и документы.

Через десять минут они вышли из квартиры. Костов аккуратно прикрыл дверь, оставив вырванную цепочку висеть на косяке как немой свидетель их визита.

На улице дождь продолжал лить с прежней силой. Они быстро усадили Кирилла на заднее сиденье «Тойоты» между Андреем и коробками с изъятым оборудованием. Костов сел за руль, завел двигатель и включил печку на полную мощность. Салон начал медленно прогреваться, но холод, поселившийся внутри каждого из них после прочтения методических материалов, не могла разогнать ни одна печка.

Костов выехал со двора и направил машину в сторону клиники Арины. Он понимал, что времени у них практически не осталось. Как только кураторы Кирилла обнаружат его исчезновение и поймут, что ключи шифрования скомпрометированы, они начнут действовать. И эти действия будут направлены не на защиту своих алгоритмов, а на физическое уничтожение тех, кто посмел заглянуть за кулисы их смертельного театра.

Он посмотрел в зеркало заднего вида на бледное лицо Кирилла Агеева. Этот парень, еще вчера считавший себя вершителем судеб и «богом» для запутавшихся подростков, сегодня был лишь испуганным ребенком, которого система использовала и выбросила за ненадобностью. Он был идеальной иллюстрацией того, как глубоко

метастазы этой цифровой эпидемии проникли в общество, ломая жизни не только жертв, но и тех, кто согласился стать их палачами.

В портфеле Костова лежала папка с методиками изменения сознания. Он знал, что эти бумаги — их главный щит и одновременно их смертный приговор. Теперь им нужно было не просто выжить, но и заставить этот бумажный след заговорить на языке, который поймет даже ослепшая от выученной беспомощности государственная машина.

Глава 5. Исповедь кукловода

Дождь, начавшийся еще ночью, к утру превратился в плотную серую изморось, которая окутала город холодным туманом. В подвальном помещении лаборатории Арины Валмиеровой было тихо. Слышался лишь мерный ритмичный стук капель по металлическому отливу единственного узкого окна под самым потолком и тихое гудение системного блока.

Кирилл Агеев спал в соседнем медицинском боксе под воздействием мягких седативных препаратов. Его измученное лицо во сне казалось совсем юным, лишенным той маски цинизма и страха, которую он носил во время их ночного разговора. На его предплечьях, обработанных антисептиком, белели свежие повязки.

Андрей сидел перед монитором, его пальцы быстро двигались по клавиатуре. На экране одна за другой открывались расшифрованные директории из дампа памяти, который он успел снять с компьютера Агеева до того, как удаленные кураторы заблокировали систему.

— Здесь сотни файлов, — тихо произнес Андрей, не оборачиваясь к Арине, которая стояла рядом, согревая руки о чашку с горячим кофе. — Но это не просто технические логи. Это переписка, инструкции, методические указания. И все они ведут к одному источнику.

Арина поставила чашку на край стола и наклонилась к экрану.

— Что за источник?

— Официально это зарегистрированная некоммерческая организация, — Андрей открыл один из системных файлов, содержащий цифровые подписи и сертификаты безопасности. — Российская ассоциация центров изучения религий и сект, сокращенно РАЦИРС. А на вершине этой пирамиды стоит человек, чье имя прекрасно известно любому, кто хоть раз интересовался темой деструктивных культов в нашей стране. Александр Леонидович Дворкин.

Арина медленно выпрямилась. Ее лицо выразило крайнее удивление, смешанное с недоверием.

— Дворкин? Профессор сектоведения? Человек, который уже тридцать лет выступает на телевидении, пишет книги и позиционирует себя как главный защитник общества и традиционных ценностей от деструктивного влияния? Это абсурд. Он ведь официально борется с сектами.

— Самый удобный способ скрыть собственную деструктивную деятельность — это возглавить борьбу с ней, — Андрей развернул на экране схему связей, которую его скрипт построил на основе метаданных из чатов Matrix. — Посмотри на структуру. Все эти закрытые группы, в которых подростков доводят до самоповреждений, координируются через шлюзы, принадлежащие структурам, так или иначе связанным с РАЦИРС. Методички, которые мы нашли у Кирилла, — это не самостоятельность сетевых садистов. Это профессионально адаптированные психотехнологии изменения сознания. И их авторство прослеживается совершенно четко.

Он вытащил из папки распечатанные листы, которые они забрали из квартиры Агеева, и указал на характерные пометки на полях.

— Этот размашистый почерк, эти специфические термины. Дворкин использует свою публичную деятельность как ширму. Пока он читает лекции правоохранителям и студентам о вреде «тоталитарных культов», его организация выстраивает собственную, куда более страшную и масштабную сеть влияния. Сеть, которая использует те же самые методы контроля сознания, но в цифровом формате.

— Но зачем ему это? — Арина покачала головой, пытаясь уложить услышанное в рамки своей профессиональной логики. — Какова цель? Деньги? Власть?

— Власть, — ответил Андрей. — Но не обычная политическая власть, а тотальное доминирование над разумом людей. В его публикациях и выступлениях сквозит глубокий, почти религиозный экстаз от осознания собственного превосходства. Он видит себя судьей, имеющим право решать, кто достоин жить в «очищенном» обществе, а кто является «генетическим мусором». Это чистый, рафинированный социал-дарвинизм, завернутый в обертку традиционной риторики.

Костов, который до этого молча сидел в углу комнаты, изучая сводки происшествий за последние сутки, поднялся и подошел к столу.

— Нам нужно поговорить с ним лично, — хрипло произнес майор. — Официально я не могу вызвать его на допрос. Мой начальник ясно дал понять, что любое движение в эту сторону закончится для меня увольнением. Дворкин входит в Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции. У него колоссальные связи в силовых структурах и правительстве. Если я приду к нему с удостоверением, меня сомнут в тот же день.

— Значит, мы пойдем к нему неофициально, — Арина посмотрела на Костова. — Как коллеги. Я доктор медицинских наук, руководитель лаборатории. Я могу записаться к нему на прием под предлогом научной консультации. Скажу, что мы пишем совместную работу о новых методах вовлечения молодежи в деструктивные группы и нам крайне важно мнение «ведущего эксперта страны». Его грандиозный нарциссизм не позволит ему отказать. Он обожает поучать, обожает чувствовать себя авторитетом.

Андрей кивнул.

— Я пойду с вами как ваш лаборант или технический ассистент. Возьму с собой портативный диктофон и камеру, замаскированную под обычную ручку. Нам нужно заставить его говорить. Если он действительно считает себя неприкасаемым, он не станет скрывать свои взгляды в приватной беседе.

Офис Центра святого Иринея Лионского, который возглавлял Дворкин, располагался в тихом переулке в центре Москвы, в полуподвальном помещении старого

кирпичного здания. Стены узкого коридора были сплошь завешаны иконами, православными календарями и плакатами, предупреждающими об опасности различных религиозных движений. На полках вдоль стен громоздились стопки брошюр с кричащими заголовками.

Это не было местом академической науки или духовного умиротворения; здесь все дышало подозрением и поиском врагов.

Секретарь — бледная женщина средних лет в темном платке — молча кивнула Арине и Андрею и указала на тяжелую дубовую дверь в конце коридора.

— Александр Леонидович ждет вас. Проходите.

Арина глубоко вздохнула, настраиваясь на сложную психологическую игру, и толкнула дверь.

Кабинет Дворкина был завален книгами и архивными папками так, что свободного пространства почти не оставалось. За массивным письменным столом, освещенным тусклым светом зеленой лампы, сидел пожилой человек с седой бородой и резкими, подвижными чертами лица. Его глаза — глубоко посаженные, с неестественно расширенными зрачками — горели лихорадочным, фанатичным блеском. При виде вошедших он резко поднялся, и в его движениях проступила странная, дерганая энергия.

— Доктор Валмиерова! Рад, искренне рад, — заговорил Дворкин. Его голос был высоким, напористым, с характерными интонациями человека, привыкшего говорить монологами и не терпящего возражений. — Наконец-то академическая наука обратила внимание на ту бездну, в которую катится наше общество. Садитесь, пожалуйста. А это ваш ассистент?

— Да, это Андрей, он отвечает за техническую часть наших исследований, — Арина присела на свободный стул, Андрей устроился чуть позади, аккуратно поправив ручку в нагрудном кармане пиджака.

— Прекрасно, прекрасно, — Дворкин откинулся на спинку кресла, переплетя пальцы рук. — Итак, вы пришли поговорить о «цифровой эпидемии». Я читал ваши тезисы, доктор. Очень поверхностно, уж простите мне мою прямоту. Вы пытаетесь

лечить симптомы. Вы говорите о нейробиологии, о дофамине, об эндорфинах. Но вы не видите сути. Вы не понимаете, что мы имеем дело с тотальной войной против человеческой души.

— Александр Леонидович, мы как раз пытаемся понять суть, — мягко произнесла Арина, стараясь не перебивать его напор. — Наши исследования показывают, что деструктивный контент в сетях распространяется не хаотично. Он имеет четкую структуру и направлен на самые уязвимые группы — на подростков с неокрепшей психикой. И методы, которые там используются, удивительно похожи на те, что описаны в ваших книгах о тоталитарных сектах.

Дворкин тонко, неприятно усмехнулся. В его взгляде проскользнуло снисходительное презрение.

— Похожи? Дорогая моя, они не просто похожи. Это одни и те же законы управления человеческим стадом. Но вы, ученые, боитесь называть вещи своими именами. Вы сюсюкаетесь с этими детьми, пытаетесь их реабилитировать, вернуть в семьи. А зачем?

Он подался вперед, его лицо оказалось в круге света от настольной лампы, и Андрей отчетливо увидел, как задергалось его веко.

— Общество перенаселено слабыми, неприспособленными особями. Цифровой хаос, который мы наблюдаем сегодня, — это не трагедия. Это великий фильтр. Естественный отбор, если хотите, перенесенный в виртуальное пространство. Те, кто ломается от нескольких видеороликов, те, кто бежит резать себе вены из-за картинок в телефоне — они изначально нежизнеспособны. Они — балласт. И наша задача — не спасать их, а помочь этому фильтру работать быстрее. Очистить общество от генетического и ментального мусора.

Арина внутренне содрогнулась от ледяного тона, которым были произнесены эти слова, но внешне сохранила абсолютное спокойствие.

— Очистить общество? — переспросила она. — Но ведь речь идет о детях. О тринадцатилетних, четырнадцатилетних подростках, которые просто запутались, которые ищут поддержки.

— Именно! — Дворкин почти выкрикнул это слово, ударив ладонью по столу. — Они ищут поддержки, потому что они слабы. Сильный человек ищет опору в себе, в вере, в традициях. А эти... они готовы бежать за любым пастухом, который поманит их яркой картинкой. Каждая из тоталитарных сект стремится к власти над миром и к власти над всеми — на то она секта. И единственный способ противостоять им — это создать собственную систему контроля. Более жесткую, более эффективную.

Он поднялся и начал мерить шагами свой тесный кабинет, заложив руки за спину. Его речь становилась все более возбужденной, напоминая патологическое хвастовство персонажа гоголевского «Ревизора».

— Вы думаете, я просто пишу книги? Я создал структуру, которая пронизывает все сферы этого государства. Мы читаем лекции правоохранителям, мы учим судей, мы диктуем законы. В 1997 году, когда эти либеральные чистоплюи пытались судить меня за клевету, они думали, что уничтожат меня. Но я использовал материалы моего великого учителя Йоханнеса Огорда. Я показал суду, что за мной стоит вековой опыт европейской борьбы за чистоту веры. И мы выиграли. Мы научились работать так, чтобы закон сам становился нашим инструментом.

— Вы упоминаете Огорда, — подал голос Андрей, стараясь, чтобы его тон звучал уважительно и профессионально. — Но ведь его методы, как и методы Фридриха-Вильгельма Хаака, часто критиковали за излишнюю жестокость и дегуманизацию. Хаак открыто заявлял, что «если мы правильно понимаем нашу веру, мы не имеем права позволять «другим» продолжать следовать своей вере». Это ведь прямой отказ от прав человека.

Дворкин резко остановился и посмотрел на Андрея. В его глазах вспыхнула опасная, безумная искра.

— Права человека? — Дворкин презрительно фыркнул. — Эта бумажка, придуманная масонами и либералами, чтобы защитить слабых и извращенцев? Хаак был гением. Он понимал, что компромисс с инакомыслием — это смерть общества. Существует прямая линия преемственности, молодой человек. От великого Вальтера Кюннета, который еще в двадцатые годы в Германии понял, как нужно очищать нацию

от чуждых элементов, через Хаака и Огорда — ко мне. Мы — хранители этого знания. Мы — санитары этого мира.

Он подошел к шкафу, достал старую, пожелтевшую книгу в кожаном переплете и бережно провел пальцем по ее корешку.

— Кюннет ловко сыграл на стремлении к доминированию во власти. Он убедил тех, кто вел Германию вперед, что методы преследования через расчеловечивание, в лучших традициях средневековой инквизиции, дадут им абсолютную власть и полный контроль над обществом. И это сработало. Да, они проиграли войну физическую, но их идеи победили. Мы просто перенесли их на новую почву.

— И эта почва — наши дети? — тихо спросила Арина.

— Дети — это пластилин, — Дворкин повернулся к ней, его лицо исказила гримаса фанатичного восторга. — Из них можно вылепить все, что угодно. Но сначала их нужно сломать. Нужно разрушить их социальные связи. Это базовый метод стигматизации и навешивания ярлыков. Как только мы вешаем на организацию или группу людей клеймо «секта», их социальные связи с семьей и близкими мгновенно рушатся. Семья отворачивается от ребенка, друзья начинают его презирать. Он остается один в абсолютной пустоте. И в этот момент он готов принять любую форму, которую мы ему предложим. Он становится идеальным пластилином. Нашим пластилином.

Андрей смотрел на этого человека и чувствовал, как внутри него нарастает холодное омерзение. Перед ними сидел не просто религиозный фанатик. Это был высокоинтеллектуальный психопат, испытывающий глубокое, почти физиологическое наслаждение от чужих страданий. Его «борьба с сектами» была лишь легальным способом удовлетворения его скрытого садизма. Он проецировал свои собственные девиантные наклонности на тех, кого преследовал, обвиняя их в тех самых грехах, которые совершал сам.

— Но ведь это приводит к реальным смертям, — Арина поднялась, не в силах больше сидеть рядом с ним. — Дети гибнут. Максим, Лена, Денис... Они наносят себе увечья, они выбрасываются из окон. Вы называете это естественным отбором, но это убийство.

— Это не убийство, доктор Валмиерова, — Дворкин подошел к своему столу и оперся на него руками, глядя на нее сверху вниз. — Это утилизация брака. Если дерево гнилое, его нужно срубить и сжечь, чтобы оно не заразило остальной сад. Мы лишь ускоряем этот процесс. Мы даем им инструмент для саморазрушения. Те, кто силен, выживут и станут частью нашей новой, чистой структуры. Те, кто слаб — уйдут в положенное время. Небо пусто, доктор. Бог не придет им на помощь. Я сам решаю, кому жить, а кому умереть в этой системе.

Он произнес это с такой абсолютной, непоколебимой уверенностью в собственном божественном статусе, что в кабинете на мгновение повисла мертвая тишина. Это был комплекс божественности в его терминальной стадии, помноженный на грандиозный нарциссизм и полную моральную диссоциацию.

Андрей тем временем незаметно окинул взглядом рабочий стол Дворкина. Среди стопок бумаг и книг его внимание привлекла открытая папка из плотного серого картона. На ней не было названия, но из-под верхнего листа выглядывал бланк с логотипом, который Андрей уже видел в материалах расследования Костова.

Это был логотип той самой IT-компании, которая обеспечивала работу шлюзов для деструктивного трафика.

Рядом с бланком лежал распечатанный отчет о финансовых транзакциях. Андрей, обладая профессиональной памятью на цифры и структуры данных, мгновенно выхватил взглядом ключевые строки: «Cyprus Global Media Ltd. -> Transit Telecom -> RACIRS». Суммы, указанные в отчете, исчислялись сотнями тысяч долларов.

В этот момент пазл в голове Андрея окончательно сложился.

Дворкин не был безумным одиночкой, действующим из личной ненависти или религиозного фанатизма. Он был ключевой фигурой, идеологическим фасадом огромного, системного механизма. Его РАЦИРС, его центры и его «экспертная» деятельность финансировались через сложные офшорные структуры, тесно связанные с международными медиагигантами. Теми самими, чьи интересы в ООН защищал Кристиан Дюпон.

Это была единая, замкнутая система. Корпорации создавали алгоритмы, удерживающие внимание и ломающие психику детей. Дворкин и его структуры обеспечивали идеологическое прикрытие, блокируя любые попытки расследования на национальном уровне через свои связи в Минюсте и силовых ведомствах, объявляя любые альтернативные мнения «сектантскими» и «экстремистскими». А Дюпон выстраивал юридическую броню на международном уровне, используя концепцию свободы слова.

Они зарабатывали на цифровой зависимости, одновременно проводя глобальный эксперимент по дестабилизации общества и созданию послушного, управляемого стада. И гибель детей была для них лишь побочным эффектом, статистической погрешностью в их грандиозных планах по построению нового тоталитарного порядка.

— Ну что же, коллеги, — Дворкин внезапно прервал свои откровения, словно почувствовав, что сболтнул лишнего, или просто потеряв интерес к беседе. Его лицо мгновенно приняло привычное выражение вежливой, но холодной академической скуки. — Наша беседа затянулась. У меня через полчаса заседание Экспертного совета в Министерстве. Нам нужно подготовить заключение по одной... весьма нежелательной организации. Мы планируем признать их экстремистами и закрыть их филиалы по всей стране.

Он подошел к двери и открыл ее, показывая, что аудиенция окончена.

— Надеюсь, доктор Валмиерова, вы сделаете правильные выводы из нашего разговора. Не тратьте свое время на спасение тех, кто не хочет и не может быть спасен. Присоединяйтесь к нашей работе. Нам нужны профессиональные нейропсихологи, которые помогут нам сделать наши... методы фильтрации еще более точными.

— Я подумаю над вашим предложением, Александр Леонидович, — тихо ответила Арина, проходя мимо него в коридор.

Андрей шел следом, стараясь не смотреть Дворкину в глаза, чтобы не выдать ту бурю эмоций, которая бушевала внутри него.

Когда тяжелая дубовая дверь центра закрылась за ними, и они вышли на улицу, холодный дождь мгновенно обрушился на них, смывая удушливый запах ладана и

старой бумаги. Они быстро пошли по переулку в сторону припаркованной машины Костова.

— Это чудовище... — прошептала Арина, обхватив себя руками. Ее била крупная дрожь, несмотря на теплый плащ. — Он абсолютно безумен. Но это безумие системы. Он ведь действительно верит в то, что говорит. Он верит, что имеет право убивать детей ради «очищения».

— Он не безумен в клиническом смысле, — Андрей открыл дверь машины и помог ей сесть на пассажирское сиденье. — Он высокоинтеллектуальный психопат-садист. И самое страшное — он встроен в государственную машину. Он использует авторитет церкви и государства как щит для своей преступной деятельности.

Костов, сидевший за рулем, завел двигатель и повернулся к ним.

— Ну что? Записали?

Андрей достал из кармана ручку-диктофон, подключил ее к ноутбуку и запустил воспроизведение. Из динамиков раздался четкий, без помех, голос Дворкина:

«...Те, кто ломается от нескольких видеороликов, те, кто бежит резать себе вены из-за картинок в телефоне — они изначально нежизнеспособны. Они — балласт. И наша задача — не спасать их, а помочь этому фильтру работать быстрее. Очистить общество от генетического и ментального мусора...»

Костов слушал, и его лицо постепенно каменело, превращаясь в маску из серого гранита. Его пальцы так сильно сжали руль, что побелели суставы.

— Этого достаточно для возбуждения дела? — спросила Арина, глядя на майора.

— Для обычного человека — более чем, — тихо ответил Костов. — Здесь и разжигание ненависти, и призывы к насилию, и фактически признание в соучастии в доведении до самоубийства. Но против Дворкина... Воронов порвет это дело прямо у меня на глазах. Нам нужны не просто его слова. Нам нужны доказательства его связи с офшорами и IT-компанией.

— Они у нас есть, — Андрей развернул экран ноутбука, на котором была открыта фотография документа, которую он успел сделать на телефон, пока Дворкин ходил по

кабинету. — Смотри сюда. Это финансовый отчет. Деньги на счета РАЦИРС идут напрямую от кипрского офшора, который принадлежит консорциуму медиаплатформ.

Костов внимательно изучил снимок.

— Это меняет дело. Это уже не просто «бытовой инцидент» или бредни сумасшедшего профессора. Это международный сговор с целью дестабилизации и финансирование преступной деятельности из-за рубежа. Под это дело я смогу привлечь ребят из финансовой разведки. У меня там есть пара надежных людей, которые не подчиняются нашему главному.

Он включил передачу и плавно тронул машину с места. «Тойота» медленно поехала по залитому водой переулку, увозя их прочь от кирпичного здания, где в полумраке кабинета продолжал свою тихую, смертоносную работу человек, считавший себя богом цифрового хаоса.

Дождь продолжал лить, смывая следы их визита, но серая папка с финансовыми отчетами и записью исповеди кукловода теперь лежала в рюкзаке Андрея. И этот бумажный след вел гораздо дальше, чем они могли себе представить — туда, где за стеклянными стенами небоскребов Женевы и Нью-Йорка принимались решения о судьбах миллионов людей, чьи жизни были оценены в триста миллисекунд мерцания экрана.

Глава 6. Сеть и ее покровители

Дождь над Женевой не прекращался. Он превращал серый гранит парапетов у здания ООН в зеркальные плиты, в которых дрожали отражения дипломатических лимузинов и тяжелых осенних облаков. В офисе Международной службы по правам человека, расположенном в старом здании на улице Вернье, пахло кофе.

София сидела за столом, заваленным распечатками финансовых транзакций и юридических заключений. На экране ее ноутбука светилось диалоговое окно

защищенного мессенджера. Файлы, которые Андрей переслал ей после ночного рейда в квартиру локального куратора, наконец завершили дешифровку.

Это были не просто технические отчеты. Перед ней лежала подробная карта финансовой и идеологической структуры, которая годами опутывала европейские и российские институты. София, как опытный юрист, привыкла работать с сухими цифрами, но то, что она видела в этих таблицах, заставляло ее пальцы леденеть.

Связующим звеном между лоббистскими структурами Кристиана Дюпона и деятельностью региональных центров, координируемых Александром Дворкиным, выступала сложная, многоуровневая система распределения грантов и государственных субсидий. Главным открытием стали документы, касающиеся европейских филиалов этой сети.

София открыла финансовый отчет французской антикультовой ассоциации, в правление которой входил Дворкин. Согласно официальным аудиторским документам, которые ей удалось получить через свои каналы в Министерстве финансов Франции, эта структура существовала практически полностью за счет государственных средств.

Но это было лишь верхушкой айсберга. София перевела взгляд на показатели других связанных организаций. Объемы средств, получаемых UNADFI от французских властей, на протяжении как минимум семнадцати лет составляли в среднем 96% от общего финансирования. Для GEMPPI в период с 2003 по 2011 год этот показатель держался на уровне 94%. А французский Комитет против манипулирования сознанием (CCMM) в период с 1999 по 2011 год получал от государственных структур в среднем 98% своего бюджета.

В этой системе важное место занимал специальный межведомственный орган — MIVILUDES. Официально созданный для борьбы с «сектантскими отклонениями», на деле он служил легальной площадкой для координации действий международных антикультистов. Здесь проводились совместные конференции, встречи и закрытые обмены информацией, в которых регулярно участвовали представители российской РАЦИРС.

София сделала пометку в своем блокноте. Финансирование программ, направленных на манипуляцию общественным сознанием и создание атмосферы

страха, маскировалось под благотворительные гранты, исследования в области ментального здоровья и защиту традиционных ценностей. Но за этой благообразной вывеской скрывался жесткий, прагматичный расчет.

Чтобы понять, как эта система работает на практике, Софии нужно было выйти за рамки цифровых документов. Ей требовалось живое свидетельство человека, который видел эту кухню изнутри.

Встреча была назначена в Аннемасе — небольшом французском городке на самой границе со Швейцарией, куда из Женевы можно было добраться за двадцать минут на пригородной электричке. София выбрала это место не случайно: здесь, вне швейцарской юрисдикции и вдали от дипломатического квартала, ее собеседник чувствовал себя в относительной безопасности.

Привокзальное кафе «Le Miroir». За угловым столиком у окна сидел пожилой мужчина в поношенном вельветовом пиджаке. Жан-Пьер Лемоне, бывший аудитор Генеральной инспекции администрации Франции, выглядел усталым и напуганным. Его редкие седые волосы были аккуратно зачесаны назад, а тонкие пальцы нервно сжимали чашку с чаем.

— Вы рискуете, София, встречаясь со мной, — тихо произнес Лемоне, когда она села напротив. Он говорил по-французски, едва шевеля губами. — Люди, которых вы затронули в своем докладе, не просто влиятельны. Они встроены в самую систему государственной безопасности.

— Жан-Пьер, мне нужны факты, — София положила на стол папку с распечатками. — Я вижу цифры субсидий. Я вижу, что французские налогоплательщики оплачивают деятельность организаций, которые занимаются травлей и психологическим насилием. Но как им удастся избежать юридической ответственности?

Лемоне горько усмехнулся и отодвинул чашку.

— Все дело в методах. Международные антикультовые организации используют схожие методы манипуляции общественным сознанием для создания атмосферы страха. Они создают образ врага — «опасного культа» или «секты» — на ровном месте. Если реальной угрозы нет, ее нужно выдумать. В Италии, например, местный

Антикультовый форум, состоящий из таких групп, как FAVIS и CeSAP, работает в тесной связке со специальным полицейским подразделением S.A.S. Они постоянно вбрасывают в прессу алармистские заявления о тысячах «опасных культов», которые якобы одурачивают миллионы граждан. Это классическое распространение паники, цель которого — заставить общество требовать жестких мер и ограничений свобод.

Он наклонился ближе, его голос опустился до шепота.

— Но самое страшное происходит тогда, когда система сталкивается с критиками или правозащитниками. Документы, которые я изучал во время аудита MIVILUDES, показывают, как легко в этой среде могут использоваться психиатрические ярлыки и сомнительные экспертизы для нейтрализации тех, кто пытается говорить правду. Если вы выступаете против них, вас не просто объявляют «защитником сект». Против вас запускается машина медийного и административного давления. Они используют лояльных экспертов, чтобы составить заключение о вашей «психологической нестабильности» или «подверженности чужому влиянию». Этого достаточно, чтобы разрушить карьеру любого юриста или врача.

— Как в случае с центром «Рожана» в России? — спросила София, вспомнив файлы Андрея.

— Именно, — кивнул Лемоне. — Там Дворкин и его структура действовали в ситуации, где религиозно-идеологическое давление странно совпадало с интересами крупного коммерческого игрока в сфере материнства и детства. Они использовали обвинения в «сектантстве», чтобы разрушить репутацию проекта, запустить уголовное и административное давление и вытеснить его из публичного поля. И это не единичный случай. Это похоже на отлаженную схему влияния. Они готовят сомнительные экспертизы, выступают в судах против людей и организаций, о которых судят по материалам дела и идеологическим шаблонам, а финансовые следы таких кампаний часто оказываются непрозрачными.

— И Кристиан Дюпон обеспечивает этому бизнесу юридическое прикрытие на международном уровне, — констатировала София.

— Дюпон — гений координации, — в глазах Лемоне промелькнул страх. — Он умеет связывать легальные гранты, государственные субсидии, частные пожертвования

и непрозрачные финансовые каналы в одну систему влияния. Если кто-то пытается заговорить — например, свидетели, готовые дать показания в ООН, — Дюпон лично включает механизмы нейтрализации. Он использует компромат и шантаж, чтобы заставить их замолчать. У него могут быть источники в силовой и медицинской среде. Он знает о слабостях каждого.

Лемоне поднялся, застегивая пальто.

— Я дал вам все, что мог, София. Больше я ничем не могу помочь. Если Дюпон узнает, что эти документы ушли к вам, моя пенсия — это меньшее, чего я лишусь. Берегите себя. Вы играете с силой, которая не признает никаких законов, кроме закона собственного выживания.

Он быстро вышел из кафе, растворившись в серой толпе на дождливой улице. София осталась сидеть за столом, глядя на раскрытую папку. Теперь у нее были не просто подозрения — у нее были материалы, указывающие на существование международной сети влияния, который использовал страх и манипуляции как инструмент управления обществами.

Вернувшись в Женеву, София организовала закрытую видеоконференцию с Андреем и Ариной. Связь шла через зашифрованный канал, который Андрей развернул на базе арендованного сервера в Исландии.

— Мы изучили историю создания этой сети, — начал Андрей, его лицо на экране было бледным от напряжения. — И ее корни уходят гораздо глубже, чем мы думали. Это не современное изобретение. Похожие методы — ярлык, изоляция, давление на семью, принудительное «возвращение» человека к норме — уже применялись в прошлом веке в антикультовой и контркультовой среде, а местами пересекались с логикой психологической войны.

Он вывел на экран архивные документы, датированные концом двадцатого века.

— Ключевой точкой сборки стала американская организация CAN — Cult Awareness Network, выросшая из созданной в 1974 году Citizens' Freedom Foundation и оформившаяся как Cult Awareness Network позднее. Официально она занималась информированием общества о культах, но вокруг нее существовали связи с практикой

так называемого «депрограммирования» — насильственного похищения людей, их изоляции и жесткого психологического давления с целью сломать волю. Среди связанных с этой средой депрограмматоров были люди, чьи методы приводили к уголовным и гражданским делам. Когда в начале девяностых американская антикультовая среда оказалась под растущим юридическим и общественным давлением, Александр Дворкин уже находился в Европе: в 1991 году он работал в Мюнхене на «Радио Свобода», а затем вернулся в Россию. Прямую связь его переезда с расследованиями вокруг CAN нужно еще хорошо изучить, но идеологические мосты между американской, немецкой и российской антикультовой средой хорошо прослеживаются.

— А оттуда он привез эти технологии в Россию, — добавила Арина, подключаясь к разговору. — Но важно понимать идеологическую преемственность. Дворкин и его европейские коллеги из FECRIS находились в поле влияния европейской антикультовой и контркультовой традиции — таких как Фридрих-Вильгельм Хаак и Йоханнес Огорд. Хаак был одним из заметных немецких церковных критиков новых религиозных движений, а Огорд через Dialog Center International оказал сильное влияние на антикультовые сети в Европе и Восточной Европе. Их идеология — это не нацизм в прямом смысле, но опасное продолжение европейской традиции клеймения «чужой» веры как социальной угрозы.

Арина открыла на своем экране схему, показывающую преемственность методологии.

— Посмотрите на эту цепочку: Вальтер Кюннет — лютеранский теолог и руководитель берлинского Апологетического центра, который в тридцатые годы участвовал в церковной работе по наблюдению за религиозными меньшинствами и новыми движениями; эта среда была противоречивой и местами соприкасалась с государственными механизмами контроля. Затем послевоенные церковные антикультовые авторы и организации развивают похожую логику наблюдения, классификации и предупреждения об «опасных» движениях; от Хаака и Огорда эта линия частично переходит в европейские сети, с которыми позже пересекается российский антикультизм. Метод «вины по ассоциации», который они используют, — это широко известный прием пропаганды и стигматизации. Организация или человек

намеренно связывается в общественном сознании с негативными образами преступников или террористов. Это запускает первый этап «Римской формулы» профессора Массимо Интровинье — нетерпимость. За ней могут последовать дискриминация и преследование.

— И эта сеть действует удивительно согласованно по всему миру, — произнесла София, глядя на графики финансирования. — Они используют ресурсы государственных служб безопасности и финансирование за счет налогоплательщиков в целевых странах, чтобы проводить свои операции под видом «борьбы с сектами». Но их реальная цель — создание управляемой атмосферы страха и подозрения. Они могли встраиваться в более широкие языки вражды и подозрения, как это происходило на Балканах девяностых, где религиозная, этническая и политическая риторика часто работали в одном направлении. И сегодня тот же сценарий реализуется в глобальном масштабе через цифровые платформы.

— Мы имеем дело с сетью взаимосвязанных организаций, людей и методик, — подытожил Андрей. — Они обмениваются информацией, проводят регулярные конференции и координируют свои действия через общественные, экспертные и иногда государственные каналы.

— Я должна выступить на заседании Подкомитета ООН, — твердо сказала София. — У нас есть финансовые документы, есть запись разговора с Дворкиным, есть технический анализ Андрея. Мы можем показать, что деструктивный контент и алгоритмы могут использоваться как часть более широкой системы информационного давления, в которой антикультовая риторика, медийные кампании и цифровые механизмы усиливают друг друга.

— Будь осторожна, София, — Арина посмотрела на нее с экрана с глубокой тревогой. — Дюпон не позволит тебе просто так разрушить его бизнес. Он пойдет на все, чтобы защитить систему.

Вечером того же дня София возвращалась в свой офис. Дождь прекратился, уступив место холодному, пронизывающему ветру, который гнал по асфальту палые листья. Улицы вокруг Дворца Наций были пусты.

Она поднялась на свой этаж, открыла дверь кабинета и замерла на пороге.

В ее кресле, закинув ногу на ногу, сидел Кристиан Дюпон. На нем был безупречный темно-синий костюм, а на полированной поверхности стола лежал его дорогой кожаный портфель. В полумраке кабинета, освещенном лишь светом уличных фонарей из окна, его фигура казалась высеченной из камня.

— Добрый вечер, София, — мягко произнес Дюпон, не меняя позы. — Вы заставили меня подождать. Но, признаться, ваше путешествие в Аннемасе было весьма предсказуемым.

София не сделала ни шагу назад. Она аккуратно закрыла за собой дверь и включила верхний свет. Холодные люминесцентные лампы залили кабинет резким, безжалостным светом.

— Вы незаконно проникли в мой офис, Кристиан, — спокойно сказала она, проходя к столу и останавливаясь напротив него. — Это уголовное преступление и по швейцарскому праву тоже.

Дюпон снисходительно улыбнулся и похлопал рукой по своему портфелю.

— Давайте оставим эти юридические банальности, София. Мы оба понимаем, что законы пишутся для тех, кто не способен их обойти. Я пришел сюда не для того, чтобы спорить о праве собственности на это кресло. Я пришел, чтобы спасти вас от совершения очень глупой, фатальной ошибки.

Он открыл портфель, достал из него плотную пластиковую папку желтого цвета и положил ее на стол перед Софией.

— Что это? — спросила она, не прикасаясь к папке.

— Это ваше будущее, София. Точнее, его отсутствие, если вы решите продолжить свою глупую кампанию в Подкомитете, — Дюпон откинулся на спинку кресла, его глаза сузились, превратившись в две холодные щели. — В этой папке собраны материалы, подготовленные нашими коллегами из одного московского экспертного центра и французскими специалистами, связанными с антикультовой средой.

Он постучал пальцем по желтому пластику.

— Здесь содержится подробное психиатрическое заключение в отношении вашей ключевой свидетельницы — Елены Волковой, матери Димы. Эксперты пришли к нужному нам выводу: женщина страдает признаками индуцированного бредового расстройства и склонна к насилию над собственным сыном. Ее показания о «влиянии алгоритмов» — это лишь попытка скрыть собственную вину в жестоком обращении с ребенком. Как только вы попытаетесь представить ее историю в ООН, это заключение будет опубликовано во всех ведущих европейских СМИ. Елену попробуют лишить родительских прав, а мальчика передадут под государственную опеку, и вы больше не сможете контролировать, куда именно его направят.

София почувствовала, как внутри нее все сжалось от ярости, но она заставила себя сохранить ледяную маску на лице.

— Вы используете методы карательной психиатрии, чтобы заткнуть рот жертвам, — тихо произнесла она. — Это низко даже для вас, Кристиан.

— Это не карательная психиатрия, дорогая моя. Это наука, поставленная на службу общественному порядку, — Дюпон поднялся, его фигура нависла над столом. — Но это еще не все. В этой же папке лежат документы, касающиеся вашей подруги, доктора Валмиеровой. Нам стало известно, что ее лаборатория использовала незарегистрированное медицинское оборудование для проведения экспериментов на детях. Транскраниальная магнитная стимуляция без надлежащей лицензии медицинского регулятора. Это уголовная статья, София. Лицензия, карьера, гранты, право работать с детьми — всё это исчезнет за неделю.

Он подошел к ней вплотную.

— И, наконец, вы сами, — тихо продолжил он, и в его голосе послышалась зловещая, почти отеческая забота. — У нас есть подробный отчет о ваших финансовых операциях за последние три года. Небольшие гранты от сомнительных правозащитных фондов, которые мы легко можем связать с финансированием экстремистских группировок на Ближнем Востоке. Один звонок в прокуратуру Женевы — и ваши счета будут подвергнуты проверке, а ваша репутация международного юриста превратится в пепел. Вы больше никогда не сможете войти ни в один приличный кабинет в этом городе.

София смотрела на него, чувствуя, как тяжелый, удушливый страх пытается парализовать ее волю. Это была та самая «выученная беспомощность», о которой говорил Дюпон на террасе. Система защищала себя всеми доступными способами, используя ложь, шантаж и административный ресурс, чтобы уничтожить любого, кто осмелится бросить ей вызов.

— Вы боитесь, Кристиан, — тихо, но отчетливо произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — Если бы вы были уверены в своей непобедимости, вы бы не пришли сюда ночью с этой папкой. Вы знаете, что у нас есть финансовые документы. Вы знаете, что мы проследили связь между вашими непрозрачными счетами и платежами, связанными с организациями антикультовой сети. Вы знаете, что эта сеть обречена, если правда выйдет наружу.

Улыбка Дюпона медленно угасла. Его лицо стало холодным и жестким, лишенным каких-либо эмоций.

— Правда — это товар, София. И у нас достаточно ресурсов, чтобы скупить весь его тираж. Вы можете верить в свои идеалы, но реальность такова: завтра на заседании Подкомитета ООН вы будете молчать. Вы снимете свой доклад с повестки дня под предлогом «необходимости дополнительной технической экспертизы». А если нет... что ж, тогда вы сами подпишете приговор своим друзьям и тем детям, которых вы так отчаянно пытаетесь спасти.

Он взял свой портфель, аккуратно обошел Софию и направился к выходу. У самой двери он остановился и повернулся к ней.

— Желтая папка остается у вас, София. Почитайте ее на досуге. Там очень интересные медицинские карты. Подумайте о том, стоит ли ваша абстрактная справедливость реальных жизней тех, кто вам дорог. У вас есть время до завтрашнего утра.

Дверь кабинета тихо закрылась. София осталась стоять в пустой комнате под холодным светом люминесцентных ламп. На ее столе лежала желтая пластиковая папка — осязаемое воплощение того зла, с которым они столкнулись. Зла, которое не использовало оружие или яд, но умело ломать человеческие судьбы с помощью росчерка пера и фальшивых медицинских штампов.

Она медленно подошла к столу, взяла папку в руки и открыла ее. На первой странице красовался бланк с синей печатью и подписью эксперта, подтверждающей «психологическую нестабильность» Елены Волковой.

София закрыла глаза. Она понимала, что Дюпон не блефует. Система действительно была готова раздавить их всех, не моргнув и глазом. Но в этот момент внутри нее, вместо страха, поднялась чистая, звенящая решимость. Они зашли слишком далеко, чтобы отступить. Если закон и международные институты были бессильны перед этим монстром, значит, им нужно было найти другой способ нанести удар. Способ, который обойдет все юридические барьеры и бронированные стекла Дворца Наций.

Она достала телефон и набрала номер Андрея.

— Андрей, — тихо сказала она, когда он ответил. — Дюпон был здесь. Он принес компромат на Арину и свидетелей. Они заблокируют нас завтра на заседании Подкомитета. У нас нет юридического пути.

— Что мы будем делать? — спросил Андрей после короткой паузы.

— То, что вы планировали с Марком, — ответила София, глядя на ночной город за окном. — Нам нужен технологический ответ. Мы должны заставить эту систему заговорить на ее собственном языке. Готовьте фильтр. Время дискуссий закончилось.

Глава 7. Цифровой щит

Капли дождя, просачивавшиеся сквозь проржавевший стык на потолке заброшенной типографии, с тихим, раздражающим ритмом ударялись о бетонный пол. В помещении пахло сыростью, старой печатной краской и перегретым пластиком. Единственным источником света были три монитора, установленные на длинном верстаке, заваленном платами, переходниками и мотками проводов.

Марк, бывший коллега Андрея по отделу перспективных разработок, сидел, сгорбившись, в глубоком офисном кресле с ободранной обивкой. Его длинные пальцы с

невероятной скоростью летали по клавишам механической клавиатуры, заполняя экран строками кода на Python и C++. На его бледном лице, освещенном синеватым сиянием, застыло выражение предельной концентрации. Время от времени его левое веко нервно подергивалось — сказывались третьи сутки без нормального сна.

— Мы не можем просто анализировать готовые файлы, Андрей, — произнес Марк, не поворачивая головы. Его голос звучал глухо и хрипло. — Платформы постоянно меняют алгоритмы кодирования, сжатия и доставки видео. Если мы попытаемся перехватывать видео на лету через стандартные API, система безопасности приложения мгновенно заблокирует наш аккаунт или просто подсунет чистый, модифицированный поток без вставок. Они защищают свои данные лучше, чем швейцарские банки.

Андрей стоял рядом, скрестив руки на груди и глядя на бегущие строки логов.

— Значит, нужно спуститься на уровень ниже, — ответил он. — Туда, где приложение уже не может полностью скрыть готовый визуальный результат. На уровень локального анализа уже отображаемых кадров.

— Именно это я и сделал, — Марк удовлетворенно щелкнул клавишей Enter, и на среднем мониторе открылась графическая схема. — Я написал исследовательский прототип локального фильтра для контролируемых устройств. Он не лезет в чужие серверы и не взламывает приложение, а анализирует видеопоток уже на стороне пользователя — в том месте, где кадр фактически готовится к отображению на экране.

Марк повернулся к Андрею, и в его глазах вспыхнул азартный огонек разработчика, решившего невыполнимую задачу.

— А дальше в дело вступает нейросеть. Я обучил легковесную сверточную модель на тех образцах геометрических сеток и пульсаций, которые ты вытащил из телефона Димы Волкова. Модель анализирует временные интервалы между кадрами и ищет высококонтрастные аномалии длительностью менее трехсот миллисекунд. Если система обнаруживает подозрительный фрагмент, фильтр заменяет его нейтральным переходом или помечает ролик для блокировки. Для пользователя это выглядит как едва заметный, микроскопический пропуск кадра, но по крайней мере, мы убираем тот визуальный паттерн, который в нашей гипотезе мог запускать нежелательную реакцию внимания.

— Мы назвали этот проект «ЩИТ», — тихо произнесла Арина Валмиерова, выходя из глубины помещения. Она несла три пластиковых стакана с обжигающим, горьким кофе. Ее лицо выглядело изможденным, но в осанке чувствовалась жесткая, негибкая решимость. — Как антивирус, но не для операционной системы, а для человеческой психики. Информационное пространство нуждается в независимых инструментах проверки, способных перерабатывать колоссальные объемы данных мгновенно. Человека можно запугать, подкупить или заставить замолчать с помощью шантажа, как это пытается сделать Дюпон. Но с алгоритмом договориться не получится. Он не берет взятки и не поддается эмоциям.

Она передала стаканы мужчинам и присела на край деревянного ящика.

— Я провела последние сутки, анализируя результаты тестирования фильтра на нашей выборке, — продолжила Арина. — Марк запустил систему в тестовом режиме на десяти виртуальных машинах, которые непрерывно эмулировали поведение обычных подростков, пролистывающих ленты популярных видеоплатформ. Результаты пугают и одновременно подтверждают, что мы нащупали реальный повторяющийся паттерн.

Марк вывел на экран итоговую таблицу статистики.

— Наш ИИ-фильтр выявляет подозрительные сублиминальные паттерны в нашей тестовой выборке в 98% случаев, — тихо произнес Андрей, вчитываясь в цифры. — Девяносто восемь процентов... Это уже трудно списать только на случайные сбои сжатия. Но нам нужно показать методику так, чтобы любой независимый специалист мог повторить проверку.

— И это может стать первым техническим доказательством того, что проблема не сводится к отдельным роликам, — Арина сделала глоток кофе. — Технологии манипуляции сознанием достигли своего пика. Современные методы воздействия стали невероятно сложными, позволяя манипуляторам скрывать свои истинные цели под маской заботы о благе общества. Они используют медийную пропаганду, социальные сети, алгоритмы и методы психологического воздействия, чтобы формировать общественное мнение, навязывать ложные повестки и стигматизировать тех, кто пытается им противостоять.

Она посмотрела на Андрея.

— Помнишь исследования Игоря Смирнова, о которых мы говорили? Его вдова, Елена Русалкина, в интервью и публичных материалах утверждала:

«У Смирнова были конкретные методы, которые, среди прочего, действительно могут стирать память и изменять её содержание. Такие методы существуют... Возможно ли сделать зомби? Да, это возможно».

— Смирнов работал в эпоху аналоговых технологий, под надзором КГБ, — произнес Андрей. — Его возможности были ограничены физическими носителями и необходимостью личного контакта с объектом. Но те, кто стоит за «Протоколом 300 мс» сегодня, могли попытаться соединить старые идеи психофизиологического воздействия с современной цифровой инфраструктурой. Им больше не нужны секретные лаборатории. Каждый смартфон в кармане ребенка может стать индивидуальным каналом доставки контента, рассчитанного на уязвимое внимание.

— И наш «ЩИТ» — единственное, что может эту связь разорвать, — Марк решительно ударил ладонью по столу. — Я подготовил сборку приложения для открытого тестирования. Мы можем выложить исходный код на GitHub и опубликовать установочные файлы на независимых зеркалах. Как только люди начнут устанавливать фильтр, платформы уже не смогут полностью контролировать то, что остается невидимым для обычного пользователя.

— Они этого не допустят, — тихо сказал Андрей. — Как только они поймут, что мы создали работающий инструмент независимой проверки их видеопотоков, они нанесут удар. И этот удар будет не техническим. Они используют всю мощь своей медийной машины, чтобы уничтожить нас до того, как фильтр станет популярным.

Предчувствие Андрея оправдалось на следующее утро.

Первый тревожный сигнал пришел от Павла Резника, независимого IT-журналиста, с которым Андрей поддерживал связь. Павел прислал ссылку на статью, опубликованную на крупном международном технологическом портале.

Заголовок кричал: «Скрытая угроза приватности: как новое «защитное» ПО шпионит за вашими детьми».

Андрей быстро пробежал глазами текст. Статья была написана профессионально, с использованием сложной технической терминологии, призванной запутать неподготовленного читателя. Автор утверждал, что разработанный группой независимых исследователей фильтр «ЩИТ» под видом борьбы с вредоносным контентом осуществляет тотальную слежку за пользователями.

«...Эксперты в области кибербезопасности выражают глубокую озабоченность в связи с распространением так называемого фильтра “ЩИТ”. Наш анализ показывает, что данное программное обеспечение использует низкоуровневый доступ к графическому процессору устройства, что позволяет его создателям получать доступ к визуальному содержимому экрана и потенциально собирать чувствительные пользовательские данные. Под маской заботы о безопасности детей скрывается опасный инструмент тоталитарного контроля и цензуры, нарушающий базовые стандарты приватности...»

— Они перевернули все с ног на голову, — Марк в ярости швырнул телефон на стол.
— Наш фильтр работает локально, он вообще не отправляет данные на внешние серверы! Весь исходный код открыт, любой специалист может проверить, что там нет ни одной строки, отвечающей за сбор личных данных. Это наглая, неприкрытая ложь!

— Большинство людей не будут проверять исходный код, Марк, — тихо произнесла Арина, изучая другие публикации, которые начали появляться в сети с пугающей синхронностью. — Манипуляция общественным сознанием, особенно в контексте защиты приватности, всегда эффективна, потому что люди не стремятся критически анализировать поступающую информацию. В эпоху информационной перегруженности, когда потоки новостей непрерывно обрушиваются на человека, создавать сложные и запутанные нарративы становится все проще. Люди воспринимают информацию на веру, не ставя ее под сомнение. Постоянный поток обновлений затрудняет различение правды и манипуляции.

Она открыла страницу популярного общественно-политического издания. Там была опубликована колонка известного социолога, который рассуждал о «наркотизирующей дисфункции современных медиа». Автор цитировал классическую работу Пола Лазарсфельда и Роберта Мертона, написанную еще в середине XX века:

«Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё реже прибегают к физическому насилию и всё чаще — к массовому убеждению».

— Лазарсфельд и Мертон были правы, — Арина подняла глаза на Андрея. — Корпорациям не нужно применять силу, чтобы остановить нас. Им достаточно создать такой уровень информационного шума и недоверия вокруг нашего проекта, чтобы общество само отвернулось от нас. Они формируют конформизм, подавляя способность к критическому мышлению. Большая часть того, что сейчас транслируется через медиа по поводу нашего фильтра, не имеет ничего общего с реальностью. Но эта ложь завернута в красивую обертку «заботы о цифровой гигиене».

В этот момент на экране ноутбука Андрея всплыло уведомление о входящем звонке по зашифрованному каналу. Это был Илья Костов. Андрей быстро принял вызов и включил громкую связь.

— Андрей, Арина, вы меня слышите? — голос Костова звучал непривычно глухо, на заднем плане слышался шум автомобильного двигателя. — Слушайте меня очень внимательно. Ситуация вышла из-под контроля. Против вас задействовали тяжелую артиллерию.

— Что случилось, Илья? — спросил Андрей, чувствуя, как внутри нарастает холодное напряжение.

— Два часа назад по вам запустили уголовные материалы, — быстро заговорил Костов. — Через прокуратуру прошел пакет документов, а дело уже у следствия. Андрей, тебя обвиняют по статьям 272 и 273 Уголовного кодекса — неправомерный доступ к компьютерной информации и создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. Они утверждают, что твой фильтр «ЩИТ» — это опасный троян, созданный по заказу иностранных спецслужб для дестабилизации критической информационной инфраструктуры.

— А я? — спросила Арина, сохраняя внешнее спокойствие, хотя ее пальцы крепко сжали край стола.

— Против тебя, Арина, выдвинуты обвинения в незаконном осуществлении медицинской деятельности, причинении вреда здоровью и нарушении правил работы с

несовершеннолетними пациентами. Они используют сфабрикованное заявление от родителей одного из подростков, который проходил у тебя реабилитацию. Якобы ты применяла к нему методы психологического насилия и несертифицированное оборудование — ту самую транскраниальную стимуляцию. Дворкин лично подписал религиозное заключение, где назвал твою лабораторию «деструктивным псевдомедицинским культом», а медицинскую часть они подкрепили отдельной экспертизой.

В комнате повисла тяжелая, удушливая тишина. Слышно было только, как дождь продолжает монотонно барабанить по крыше.

— Это конец, — прошептал Марк, закрывая лицо руками. — Они нас просто раздавят. Против государственной машины и медиагигантов у нас нет ни единого шанса.

— Нет, это не конец, — жестко отрезал Костов. — Но вам нужно немедленно уходить из типографии. Мой источник в главке сообщил, что оперативная группа уже выехала по вашему возможному адресу. Они отследили одну из транзакций по аренде оборудования. У вас есть максимум двадцать минут.

— Илья, а как же ты? — спросил Андрей.

— Мое удостоверение аннулировано, — в голосе Костова послышалась горькая усмешка. — Официально я отстранен от должности на время проведения служебной проверки. В моем кабинете сейчас идет обыск. Но я успел забрать оригиналы документов из квартиры Агеева и финансовые отчеты РАЦИРС. Я уйду в тень. Встретимся в условленном месте в промзоне у платформы Новохохловская. Там есть заброшенный складской ангар, я скину координаты. И не пользуйтесь мобильными телефонами. Вытащите сим-карты и оставьте аппараты в типографии. Живее!

Связь оборвалась.

Сборы заняли не более семи минут. Андрей и Марк лихорадочно упаковывали серверное оборудование, жесткие диски и программаторы в тяжелые брезентовые рюкзаки. Арина собирала медицинские карты пациентов и распечатки результатов МРТ, которые они не могли оставить врагам.

Они вышли через запасной выход типографии, ведущий в узкий, заваленный строительным мусором переулок. Холодный осенний дождь мгновенно промочил их одежду, но никто не обращал на это внимания. Андрей вел группу дворами, избегая крупных улиц и перекрестков, где могли быть установлены камеры городской системы распознавания лиц и автоматической сверки с базами розыска.

Через сорок минут изнурительного перехода по лужам и грязи они добрались до окраины промышленной зоны. Вокруг высились серые бетонные заборы с колючей проволокой, за которыми виднелись ржавые конструкции недействующих заводов. В небе над головой низко летели тяжелые тучи, окрашивая все вокруг в монотонные свинцовые тона.

Илья Костов ждал их у ржавых ворот заброшенного ангара. Его старая «Тойота» была припаркована в глубине территории, под навесом из профнастила. Сам майор стоял, подняв воротник мокрого плаща, и нервно курил, прикрывая огонек сигареты ладонью.

— Добрались, — выдохнул он, быстро пропуская их внутрь ангара и закрывая тяжелую железную створку на засов. — Слава богу. Я уже начал волноваться.

Внутри ангара было темно и холодно. В углу стоял деревянный стол, на котором Костов уже разложил свои бумаги.

— Мы в подполье, — произнес Андрей, сбрасывая тяжелый рюкзак на пол. Его плечи гудели от усталости, а мокрая куртка неприятно липла к телу. — Официальные каналы закрыты. Суды, прокуратура, международные организации — все это может быть заблокировано Дюпоном и его покровителями на процедурном уровне. Они создали идеальный информационный купол.

— Они боятся нашего фильтра, — Марк достал свой ноутбук и поставил его на стол, подключая к портативному аккумулятору. — Если бы «ЩИТ» не работал, они бы не стали поднимать такую бурю в прессе и фабриковать уголовные дела. Наша эффективность в 98% — это угроза их монополии на невидимый контент. И они это прекрасно понимают.

Арина подошла к столу и посмотрела на разложенные документы.

— Нам нужно изменить стратегию, — тихо, но твердо произнесла она. — Мы пытались действовать в рамках правового поля, надеясь на то, что государственные институты или международное право защитят нас. Но мы столкнулись с тем, что сама система парализована выученной беспомощностью. Общество убеждено, что с цифровыми гигантами ничего нельзя сделать, что это неизбежная плата за прогресс. И эта беспомощность — их главное оружие.

Она повернулась к Андрею и Марку.

— Наше единственное спасение — сделать результаты расследования публичными. Но не через официальные СМИ, которые подконтрольны корпорациям, а напрямую. Мы должны запустить глобальную неудержимую публикацию. Выложить исходный код фильтра «ЩИТ» в открытый доступ на сотнях независимых площадок одновременно, снабдив его всеми доказательствами существования «Протокола 300 мс». Финансовыми отчетами, записями Дворкина, техническим анализом кодеков.

— Это будет информационный взрыв, — Андрей посмотрел на нее. — Но как нам обойти блокировки? Роскомнадзор и другие регулирующие органы по запросу прокуратуры мгновенно заблокируют любые ресурсы, где мы попытаемся это опубликовать. Они сейчас имеют инструменты централизованного управления трафиком и фильтрации у операторов. Они могут резко замедлить распространение материалов или закрыть доступ к зеркалам внутри страны.

— Не отключат, если мы используем не одну площадку, а распределенную публикацию, — Марк поднял голову от экрана, и на его лице появилась жесткая, торжествующая улыбка. — Мы разнесем пакет по открытым репозиториям, независимым зеркалам, архивным сетям, журналистским рассылкам и заранее подготовленным узлам. Каждый архив будет подписан хэшем, чтобы его нельзя было подменить. Если они заблокируют один канал, всплывет десять новых. Если попытаются объявить код вредоносным, любой эксперт сможет сверить исходники и сборку.

Он быстро застучал по клавишам, выводя на экран схему маршрутизации.

— Мы можем запустить распространение так, что его невозможно будет остановить одной кнопкой. Вместо одного уязвимого сайта будет сеть копий,

подписанных архивов, видеообращений и технических разборов. Система сможет давить на людей, но не сможет мгновенно стереть все следы.

— Это безумие, — прошептал Костов, но в его глазах вспыхнул опасный огонек. — Это же прямой вызов всей их империи. Они бросят на нас все силы.

— У нас все равно нет другого выхода, Илья, — Андрей подошел к Марку и положил руку ему на плечо. — Мы объявлены преступниками. Наша профессиональная репутация уничтожена. Если мы промолчим сейчас, нас просто тихо сломают в СИЗО, в судах и в бесконечных экспертизах, пока от нас не останется ничего, кроме уголовных дел. Правда — это наше единственное оружие и наш единственный щит.

Арина кивнула, подтверждая его слова.

— Мы должны подготовить эту публикацию так, чтобы у них не осталось возможности для маневра. Я запишу подробное видеообращение, в котором объясню нейробиологические механизмы зависимости и покажу, как алгоритмы могут усиливать зависимость, тревожность и уязвимость детей. Андрей предоставит технические доказательства и раскадровку скрытых вставок. А София... София должна поддержать нас на международном уровне, используя эти данные для своего выступления на заседании Подкомитета, даже если Дюпон будет угрожать ей.

— Я свяжусь с Софией через наш исландский сервер, — Андрей открыл консоль мессенджера. — Она должна знать, что мы переходим к активным действиям. Время дипломатических маневров закончилось.

Он начал быстро набирать сообщение, описывая их план.

За стенами ангара дождь постепенно переходил в мокрый снег. Холодный ветер свистел в щелях ржавых железных ворот, напоминая о том, что зима близко. Но здесь, в полумраке заброшенного склада, среди серых бетонных стен и гудящих серверов, рождалось то, что должно было разрушить невидимые стены цифрового концлагеря. Они больше не были жертвами, спасающимися бегством. Они стали силой, готовой нанести ответный удар прямо в сердце системы, которая считала себя всесильной и неприкасаемой.

Марк продолжал настраивать пакеты публикации, проверяя контрольные суммы и собирая архивы для независимых зеркал. Андрей изучал список журналистов, исследователей и технических площадок, которым можно было одновременно отправить материалы. Арина пересматривала записи МРТ, готовя аргументы, которые должны были заставить содрогнуться каждого родителя, чей ребенок прямо сейчас держал в руках светящийся экран смартфона.

Они были готовы к бою. И этот бой должен был начаться не в залах судебных заседаний или кабинетах международных организаций, а в миллионах пикселей на экранах по всему миру, где семнадцать кадров тишины должны были уступить место оглушительной, неопровержимой правде.

Глава 8. Первый шаг

Металлический лист на крыше заброшенного ангара вибрировал от порывов ветра, смешивавшего мокрый снег с ледяной пылью. Внутри помещения, среди ржавых остовов станочного оборудования и штабелей прогнивших деревянных поддонов, было так холодно, что при каждом выдохе изо рта вырывались густые облака пара. Единственным островком тепла оставался салон старой «Тойоты» Ильи Костова, где на полную мощность работала печка, но ее тепла едва хватало, чтобы согреть затекшие пальцы.

Марк сидел на перевернутом пластиковом ящике перед верстаком. Его ноутбук был подключен к портативному бензиновому генератору, который они установили в дальнем углу ангара, протянув выхлопную трубу через щель в стене. Шум генератора — монотонный, глухой рокот — заполнял все пространство, заглушая свист ветра снаружи.

— Пакеты для зеркал готовы почти полностью, — произнес Марк, не отрывая взгляда от экрана, где в три колонки бежали зеленые строки логов. — Мы не лезем в их инфраструктуру. Мы разнесем архивы, видеообращение, исходный код и технический отчет одновременно по десяткам независимых узлов, репозиториям, журналистских

рассылок и научных контактов. Если они заблокируют один канал, останутся другие. Если попытаются подменить файлы, контрольные суммы сразу покажут подлог.

Андрей стоял рядом, прислонившись спиной к бетонной опоре. Его куртка потемнела от влаги, а лицо осунулось. Он посмотрел на Арину Валмиерову. Она сидела на заднем сиденье машины, перебирая распечатанные листы своего доклада. На ней был простой черный свитер с высоким горлом, волосы были гладко зачесаны назад. В полумраке салона ее лицо казалось бледной маской, но в глазах не было страха.

— Вы готовы, Арина? — спросил Андрей, подходя к машине.

Она подняла голову и медленно кивнула.

— Да. Мы слишком долго молчали, Андрей. Пытались играть по их правилам, писать отчеты, надеяться на комиссии и комитеты. Но система, которую они построили, не предполагает диалога. Она умеет только поглощать или уничтожать. Единственный способ выжить — сделать видимым то, что они привыкли прятать в тени.

Костов, стоявший у приоткрытых ворот ангара с биноклем в руках, обернулся.

— На дороге чисто. Патрулей нет. Но нам нельзя здесь задерживаться. Как только материалы уйдут в сеть, финансовая разведка и Управление «К» поднимут на ноги всех. Они начнут проверять последние транзакции, камеры и точки доступа, через которые могли проходить наши соединения. У нас будет ровно двадцать минут, чтобы свернуться и уйти.

— Нам больше и не нужно, — Марк поднял руку, зависнув пальцем над клавишей ввода. — Все готово. Арина, занимайте место перед камерой.

Арина вышла из машины и села на стул перед веб-камерой высокого разрешения, которую Марк закрепил на штативе над монитором. Андрей установил за ее спиной серый брезентовый экран, чтобы скрыть детали интерьера ангара. Марк поправил петличный микрофон на ее свитере и сделал знак рукой.

— Три. Два. Один. Запись пошла.

Через несколько минут это видео должно было появиться сразу в десятках мест: в открытых репозиториях, на зеркалах, в зашифрованных рассылках журналистам,

правозащитникам, независимым исследователям и нескольким депутатам Европарламента, которые уже согласились принять материалы без публичных обещаний. Оно не должно было ворваться в чужие телефоны силой. Оно должно было стать слишком распространенным, чтобы его можно было бесследно стереть.

— Здравствуйте, — заговорила Арина. Ее голос звучал ровно, без надрыва, но в этой спокойной интонации была сила, заставлявшая вслушиваться. — Меня зовут доктор Арина Валмиерова. Я нейропсихолог. И я обращаюсь к тем, кто прямо сейчас держит в руках телефоны, и к тем, чьи дети находятся в соседней комнате.

Она сделала короткую паузу, давая зрителям возможность вслушаться.

— Последние несколько лет мы наблюдаем то, что официальные ведомства называют «цифровой эпидемией». Нам говорят, что наши дети ломаются сами. Что они не справляются со стрессом, что у них слабая психика, что во всем виноваты гормоны или плохая успеваемость. Это слишком удобное объяснение. Оно снимает ответственность с тех, кто проектирует цифровую среду так, чтобы удерживать внимание ребенка любой ценой. Детская психика стала не случайной жертвой, а объектом коммерческого и поведенческого воздействия.

На экране рядом с лицом Арины начали появляться графики и трехмерные модели мозга, сменяющиеся кадрами раскадровки, которые Андрей вытащил из закрытых кодеков.

— Мы обнаружили повторяющиеся визуальные и ритмические паттерны, которые не всегда осознаются зрителем, но могут усиливать импульсивность, тревожность и зависимость от бесконечной прокрутки. Мы не утверждаем, что один кадр способен «зомбировать» человека. Но мы показываем, как тысячи микровоздействий, встроенных в алгоритмическую среду, постепенно ослабляют способность ребенка остановиться, подумать и выйти из цифровой петли.

Арина посмотрела прямо в объектив камеры, словно обращаясь к каждому зрителю лично.

— Но я здесь не для того, чтобы запугать вас. Я здесь для того, чтобы сказать: у этой системы есть уязвимость. И эта уязвимость — вы сами. Главная защита начинается не с

запрета и не с паники, а с восстановления доверительных человеческих связей и осознанного ограничения цифровой среды.

Она вывела на экран результаты исследований своей лаборатории.

— В нашей выборке даже две недели резкого сокращения экранного времени, при условии живого контакта с близкими, сна, движения и нормального режима дня, давали заметное улучшение внимания и эмоциональной устойчивости. Но пустоту после отключения экрана нельзя оставлять пустотой. Ее должны заполнить разговор, совместное дело, прогулка, труд, спорт, прикосновение к реальности. Ни одна программа родительского контроля не заменит родителя. Ни один фильтр не заменит доверия.

— Пять минут, — шепнул Марк, показывая Андрею экран монитора, где кривая загрузок и пересылок уходила вверх. — Первые зеркала уже начали снимать.

Арина продолжала говорить, и ее голос уходил в записи, которые уже расходились по каналам, нарушая привычный шум цифрового конвейера.

— Отключите устройства. Проведите эти выходные без экранов. Поговорите со своими детьми. Спросите их не об оценках, а о том, что они чувствуют, когда остаются наедине с собой. Это не просто совет врача. Это первый шаг к тому, чтобы вернуть им внимание, сон, спокойствие и право принадлежать самим себе. Правда не победит сама. Ее нужно проверять, защищать и повторять вслух. Теперь вы знаете, с чего начать.

Марк резко опустил руку, завершая запись и отправку последнего пакета. Экран ноутбука мигнул, а в ангаре повисла оглушительная тишина.

— Пакет ушел, — произнес Марк, вытирая пот со лба. — Мы сделали это. Теперь слово за Софией.

Зал для закрытого экспертного брифинга в Женеве был небольшим и слишком официальным для той тревоги, которая висела в воздухе. За столами сидели представители нескольких правозащитных организаций, юристы, два независимых эксперта по цифровой безопасности, сотрудники секретариата и несколько дипломатов, пришедших без права публичных заявлений. Прессы в зале не было. Но почти все уже

знали, что ночью в сети начал расходиться пакет материалов, который невозможно было списать на очередную конспирологическую утечку.

София стояла за центральной трибуной. Перед ней лежала папка с материалами, которые они собирали по крупицам: технические логи и копии файлов, результаты МРТ-исследований лаборатории Валмиеровой, финансовые отчеты, указывающие на непрозрачные платежи, связанные с антикультовыми центрами и медийными посредниками, и детальный технический анализ скрытых кодеков, подготовленный Андреем.

Кристиан Дюпон сидел в первом ряду сектора советников. Его лицо было бледным, а пальцы судорожно сжимали ручку дорогого портфеля. Он больше не улыбался. Он понимал, что стеклянная стена бюрократического бездействия, которую он так тщательно выстраивал годами, дала первую видимую трещину.

— Уважаемые коллеги, — начала София. Ее голос, усиленный акустической системой зала, звучал чисто и веско. — Сегодня мы представляем вам не приговор и не сенсацию. Мы представляем материалы, которые требуют независимой проверки. Если хотя бы часть этих данных подтвердится, речь пойдет не о частной ошибке платформы, а о системном риске для детей и подростков.

Она открыла первую страницу своего доклада и вывела на большие экраны зала документы.

— Наша группа выявила повторяющиеся технические паттерны в видеоконтенте, совпадающие с ростом поведенческих рисков в изученной выборке. Мы передаем исходные данные для независимого аудита. Мы также представляем финансовые материалы, которые показывают: вокруг темы «цифровой безопасности», антикультовой риторики и контроля над общественным мнением существует непрозрачная сеть интересов, требующая отдельного расследования.

София повернулась в сторону Дюпона, и ее взгляд был твердым, как сталь.

— Защита этих платформ всегда строилась на концепции «свободы слова» и утверждениях о технической невозможности контроля алгоритмов. Но свобода слова не может служить оправданием для безответственного проектирования среды, которая

причиняет измеримый вред детям. В международном праве есть прецеденты, которые напоминают нам: медиа не всегда бывают нейтральным каналом.

Она вывела на экран материалы исторического процесса.

— Я говорю о деле Международного трибунала по Руанде, ICTR-99-52, известном как «Дело о СМИ». В ходе этого процесса руководители и участники медийных структур, включая Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza и Hassan Ngeze, были осуждены за роль в разжигании геноцида. Этот пример нельзя механически переносить на цифровые платформы. Но он показывает важный принцип: когда медиаинфраструктура систематически усиливает ненависть, дегуманизацию и насилие, разговор о «нейтральной передаче информации» становится недостаточным.

София сделала шаг вперед, приближаясь к столу членов рабочей группы.

— Сегодня мы видим новую, гораздо более сложную проблему. Алгоритмы рекомендаций не держат в руках оружия. Они не произносят приказов. Но они могут усиливать самые разрушительные импульсы общества: ненависть, травлю, саморазрушение, зависимость, изоляцию. И если такие механизмы проектируются сознательно или игнорируются ради прибыли, мы обязаны назвать это не техническим сбоем, а зоной правовой и моральной ответственности.

Она открыла проект документа, над которым работала последние недели.

— В связи с этим мы представляем не закон и не готовую конвенцию, а проект рамочного предложения о предотвращении алгоритмического вреда и информационного насилия. Этот документ предлагает начать международную дискуссию о прямой ответственности разработчиков, платформ и посредников за умышленное или систематически игнорируемое причинение вреда психическому здоровью граждан с использованием манипулятивных цифровых технологий.

В зале поднялся гул. Делегаты начали перешептываться, изучая розданные им копии предложения.

— Мы не просим вас сегодня выносить приговоры, — продолжила София, перекрывая шум в зале. — Мы просим начать независимое расследование. Проверить технические данные. Проверить финансовые связи. Проверить экспертные заключения,

которыми годами разрушались репутации критиков и свидетелей. У нас есть конкретные имена, адреса серверов и номера счетов. Мы требуем создания независимой рабочей группы с участием юристов, нейробиологов, специалистов по цифровой безопасности и представителей гражданского общества.

Кристиан Дюпон резко поднялся со своего места. Его голос, обычно спокойный и бархатистый, сорвался на резкий, неприятный тон:

— Это абсурд! Госпожа Варгас пытается использовать площадку ООН для продвижения цензуры и уничтожения цифровой экономики! Прецедент Руанды неприменим к современным технологическим компаниям, которые не имеют никакого политического умысла и занимаются исключительно оптимизацией пользовательского опыта! Предоставленные ею «доказательства» сфабрикованы группой лиц, находящихся под следствием в своих странах за киберпреступления!

— Эти материалы переданы независимым экспертам в области кибербезопасности и нейробиологии, — спокойно парировала София, указывая на экраны, где начали появляться первые письма-подтверждения о получении архивов несколькими научными и правозащитными организациями. — И если господин Дюпон считает их сфабрированными, мы предлагаем открытый аудит. Исходный код фильтра «ЩИТ», методика анализа, контрольные суммы архивов и первичные данные переданы нескольким независимым площадкам. Проверить их сможет не один назначенный эксперт, а любое компетентное сообщество.

Дюпон медленно опустился обратно на свое сиденье. Он понимал, что прежняя тактика молчания уже не работает так безупречно. Материалы вышли за пределы одного кабинета, одной комиссии и одного сервера. Их можно было дискредитировать, заболтать, затянуть, но уже нельзя было сделать так, будто их никогда не существовало.

Председатель рабочей сессии, пожилой юрист из Швеции, внимательно изучил лежащие перед ним документы, затем поднял глаза на Софию.

— Материалы будут зарегистрированы и переданы для предварительной оценки, — произнес он. — Я не могу обещать вам быстрых решений. Никто в этом зале не имеет права подменять расследование политической декларацией. Но я могу сказать одно: после сегодняшнего заседания этот вопрос уже не будет считаться частной жалобой или

технической аномалией. Мы предложим создать независимую экспертную группу и подготовить рекомендации для дальнейшего рассмотрения.

Он сделал паузу и добавил тише:

— Это не конец пути. Но это начало процедуры.

Мокрый снег на платформе Новохохловская ложился на холодные рельсы и тут же таял, превращаясь в грязную жижу. Андрей стоял у края платформы, подняв воротник куртки. В его кармане тихо завибрировал телефон — пришло сообщение от Софии через зашифрованный исландский сервер:

«Материалы зарегистрировали. Быстрых решений не будет. Дюпон все еще здесь и уже пытается давить на участников. Но вопрос не похоронили. Будет предварительная оценка и предложение по независимой группе. Мы сделали первый шаг, Андрей».

Андрей убрал телефон и посмотрел на Арину, которая стояла рядом, глядя на приближающиеся огни пригородной электрички. Ее лицо выражало глубокую, бесконечную усталость, но в глазах светилось спокойствие.

— Мы дали им инструмент, — тихо произнесла она, когда поезд с тяжелым шипением остановился у платформы. — Мы показали им, как устроена эта ловушка, и дали «ЩИТ». Но самое сложное только начинается.

— Что вы имеете в виду? — спросил Андрей, пропуская ее в полупустой вагон.

Они сели у окна. Поезд медленно тронулся, ускоряясь и унося их прочь от серой промзоны вглубь засыпающего города. За окном проплывали бесконечные ряды многоэтажек, в окнах которых продолжали мерцать миллионы синих и зеленых экранов.

— Закон может наказать разработчиков, — Арина посмотрела на отражение своего лица в темном стекле вагона. — Фильтр может заблокировать скрытые кадры. Но они не смогут заставить людей разговаривать друг с другом. Они не смогут вернуть доверие в семьи, если родители предпочитают откупаться от детей новыми моделями смартфонов, лишь бы те не мешали им жить своей собственной, такой же цифровой и суррогатной жизнью.

Она повернулась к Андрею.

— Финал этой истории пишется не в международных залах и не в строках нашего кода. Он пишется в каждой конкретной квартире. Готово ли человечество полностью перестроить свои отношения с цифровым пространством ради сохранения свободы воли? Или комфорт и биохимическая эйфория от бесконечного потребления контента окажутся сильнее, чем желание оставаться людьми?

Андрей не ответил. Он смотрел на проплывающие мимо огни города, понимая, что на этот вопрос нет простого и быстрого ответа. Они посеяли зерна сомнения в безупречность цифрового мира, они дали людям шанс проснуться от бесконечной алгоритмической петли. Но сделает ли человечество этот трудный, болезненный шаг, к реальной жизни, или предпочтет остаться в теплой, убаюкивающей темноте алгоритмической петли — этот выбор каждый должен был сделать сам.

Электричка с тихим стуком колес уходила в темноту ночи, оставляя позади холодный город, где на миллионах экранов продолжали мерцать пиксели, ведя свою невидимую войну за право обладания человеческим разумом.